

for a living planet®

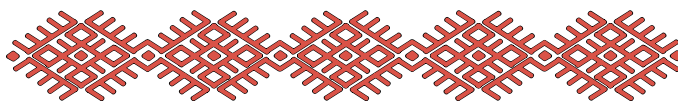

Природа Северо-Карельского побережья

В. В. ХЛЕБОВИЧ

КАРТЕШ И ОКОЛО

Природа Северо-Карельского побережья

В. В. Хлебович

Картеш и около

Информационный центр Бассейнового совета
Северо-Карельского побережья

ББК 28.0
X 55

В. В. Хлебович

Картеш и около. – М.: WWF России, 2007. – 72 с.
ISBN 5-89564-038-9

Книга воспоминаний известного зоолога В. В. Хлебовича об истории Беломорской биологической станции Зоологического института РАН, расположенной на мысу Картеш на Белом море, описывает события истории ББС, эпизоды научных и личных общений, хроники становления и развития биостанции в 1950-х – 1970-х годах. Для географов, биологов, историков науки, краеведов Беломорья и широкого круга читателей.

Информация об авторе:

Владислав Вильгельмович Хлебович – известный зоолог и гидробиолог, один из ведущих специалистов по исследованиям многочетинковых червей-полихет, по адаптациям живых организмов к различным уровням солёности водной среды, проблемам экологии и эволюции.

В. В. Хлебович родился в феврале 1932 года в Воронеже, после окончания школы в Белоруссии поступил в Санкт-Петербургский (тогда Ленинградский) иосуниверситет, где специализировался на кафедре зоологии беспозвоночных. По окончании университета всю жизнь преданно занимается научными исследованиями, работая в Зоологическом институте Российской академии наук. В 1965 году В. В. Хлебович по предложению академика Б. Е. Быховского возглавил Беломорскую биологическую станцию ЗИН АН СССР на мысе Картеш. За почти 15 лет его работы станция превратилась, по убеждению многих, в лучший морской биологический стационар России – как по техническому оснащению, так и по уровню научных исследований. В годы, не связанные с Картешем (до 1965-го и после 1978-го), В. В. Хлебович – участник и организатор многих прибрежных морских экспедиций, охвативших все российские моря; но самым любимым и дорогим по-прежнему остается Белое море.

У Владислава Вильгельмовича более 180 публикаций, в том числе монографии “Критическая солёность биологических процессов” (1974), “Акклимация животных организмов” (1981) и том серии “Фауна России” “Полихеты семейства *Nereididae* морей России и сопредельных вод” (1996). Он увлеченно пишет не только на узконаучные темы, но известен многим как автор замечательных научно-популярных работ, включая книги “Пока еще не домашние” (1987) и “Агрозоология” (1991). Сейчас В. В. Хлебович – профессор, главный научный сотрудник Зоологического института Российской академии наук (Санкт-Петербург). Воспоминания Владислава Вильгельмовича о Картеше – не столько научные хроники, сколько очерки дорогого ему периода жизни в переплетении историй многих связанных с ББС и с Белым морем людей. Именно поэтому история Картеша В. В. Хлебовича интересна многим жителям и гостям Чупинской губы Белого моря.

Редактор: В. Д. Фёдоров

Общая и техническая редакция серии:
В. А. Спиридонов

Автор картины, использованной
при оформлении обложки, –
Дмитрий Васильевич Титов, г.Москва

Бассейновый совет Северо-Карельского
побережья и издательская программа
Всемирного фонда дикой природы благода-
рит Елену Лебедеву-Хоофт, Сергея Шувало-
ва и Людмилу Флячинскую за помощь в под-
готовке книги к публикации.

Печать: ОАО «ИПО “Лев Толстой”»
Заказ №3095. Тираж: 2000 экз.

Распространяется бесплатно.
Всемирный фонд дикой природы
(WWF), 2006.

© WWF России, 2006
© В. В. Хлебович, 2006

Содержание

Предисловие	5
Из геологической истории	5
Немного топонимики и истории	7
Предшественники “Картеша”	9
Владимир Васильевич Кузнецов	12
Немного о науке	14
Алиса Карловна	17
Михаил Васильевич Иванов и строительство	18
Строители	22
Корабли	25
Академик Николай Николаевич Семёнов	28
Адмирал Вадим Березовский	32
Лесничий Дарчо Карапетяни	51
Профессор Отто Кинне	52
Парижанки	54
1968 год	55
Соседи	57
Село Кереть	57
Лесозавод – остров Средний	58
ББС МГУ	59
Лапутия	60
Игорь Васильевич Бурковский	60
Остров Ряжков	61
Животные на Картеше	64
Необычные встречи	67
Дятел-музыкант	67
Любители красоты	68
“Топляк”	68
В поезде	69
Из-под полы	69
Коля Никифоров	69
Подо Ржевом	70
Нам, лопарям	70
Картешу 50 лет	71

*Светлой памяти
моих детей
Наташи и Коли,
очень любивших Белое море*

Предисловие

На севере Карелии, километров за двадцать до Полярного круга, железная дорога на станции Чупа совсем близко подходит к Белому морю. Море представлено здесь Чупинским заливом. На картах залив похож на конический мешок детского сачка для ловли бабочек – узкий у железной дороги и поселка и расширяющийся мористее. Название станции, поселка и залива очень удачное. Чупа по-поморски означает кут мерёжи – рыболовной ловушки, похожей формой на сачок.

Пройдя катером часа полтора (время зависит от мощности двигателя и погоды), вы увидите вдали характерные контуры мыса Картеш. Мне они всегда напоминают забредшего в воду кабана. Обрывистый край похож на круто склоненную мощную голову, загривок ошетинился остроконечными елями, сзади тело снижается.

По мере приближения к нему мыс увеличивается, а казавшийся ровным левый берег расчленяется. Открывается бухта Сельдяная, потом Круглая. За ней на разных уровнях скал, поросших сосной, елью и берёзами, показываются деревянные дома. Проходим проливом между берегом и островком Феттах, гасим скорость и круто поворачиваем влево. Перед нами по берегам уютной бухты Кривозёрской, закрытой своими скалами, мысом Картеш и островом Феттах от всех ветров, открываются остальные строения Беломорской биологической станции Зоологического института Российской академии наук. В просторечии ее называют коротко и просто – “Картеш” или “ББС” (ещё одна Беломорская биологическая станция, тоже ББС, принадлежит Московскому университету и расположена в глубине Канда-лакшского залива, в бухте Ругозерской).

Уверен, что Картеш – лучшая морская биологическая станция страны. По красоте и величию места, по условиям и сложившимся традициям специфической работы морского биолога.

На этой станции я проработал почти 15 самых счастливых лет моей в общем-то долгой жизни. Кое-что было сделано в науке, было много встреч с интересными людьми. Многие из них оказали влияние на судьбу биостанции.

Но этого ещё мало, чтобы замыслить книгу. Я вспомнил, с каким интересом слушали мои рассказы о северных биостанциях студенты моего родного биофака СПбГУ. И тогда подумал, что каждый год Картеш посещает сотни полторы студентов, сотрудников-биологов разных учреждений, школьников. Так что небольшой, но устойчивый круг читателей, наверное, мне обеспечен. Буду стараться их не разочаровать.

Из геологической истории

Каждый год на Картеш приезжали и приезжают разные интересные люди. И не обязательно биологи. Мы обычно просили их выступить на нашем семинаре. Одним из замечательных лекторов был геолог Андрей Семёнович Ефрон, приехавший к нам ежегодно на короткие экскурсии. Сначала несколько слов о нём самом. Лейтенант, получив ранение во время тяжелых боёв в Венгрии, оказался на сутки в плену, но оттуда сбежал и довоевал до конца. За факт пленения (по доносу, конечно) был после завершения войны отправлен в лагерь и смог продолжить учебу в родном Ленинградском университете только после разоблачения культа личности и последующей реабилитации, т. е. в середине 50-х. Представьте, это около десяти лет заключения!

Он очень любил свою науку и с увлечением о ней рассказывал. От Ефрона мы узнали, что геологические обнажения мыса Картеш самые древние в Европе и Азии – их породам 2,8–3,2 миллиарда лет. Они почти идентичны старейшим породам Южной Африки. Между этими районами за миллиарды лет

возникла некоторая разница: в Южной Африке золото постепенно концентрировалось в брекчиях, отсюда и знаменитые золотые прииски в тех краях. На беломорском же берегу и в самом мысе Картеш золота в целом довольно много, но оно распределено диффузно, и добыча его нерентабельна.

А самые молодые породы Чупинского залива совсем неподалёку – на противоположном от Картеша берегу. Здесь на подходе к посёлку Чкалов, слева от него, у самой воды можно видеть скопление грубых прямоугольных призм из лабрадорита, исторгнутого из недр Земли вулканами “всего лишь” около одного миллиона лет назад. Сами призмы – искусственные заготовки путём взрывов для могильных памятников, заказанных Германией в конце 20-х годов. Гитлер, пришедший к власти, запретил тратить на это валюту.

Последние годы своей жизни Ефрон работал в Забайкалье на БАМе. После недавно перенесённого инфаркта он отправился с аспирантом на маршрут. Молодой человек сломал ногу, и Андрей два дня тащил его через тайгу. Донёс... но сердце его не выдержало.

Известно, что Белое море – очень молодое. На его месте распространялся мощный ледяной Скандинавский щит, раставший около 12 тысяч лет назад. Прогнувшаяся под тяжестью гигантской ледяной массы земная кора, освободившись от неё, продолжает до сих пор распрямляться. Это, помимо всего прочего, сопровождается подъёмом берегов. Считается, что берега Кандалакшского залива поднимаются со средней скоростью 60–80 см в столетие.

Допустим, что это же происходит и на берегах Чупинского залива. Для окрестностей “Картеша” это означает, в частности, что озеро Кривое, питающее биостанцию изумительно чистой водой, не более тысячи лет назад было морским заливом. Судите сами: его уровень всего лишь на 6–7 м выше уровня моря.

Думаю, что отчленение заливов от моря и превращение их в пресные озёра происходило ещё быстрее. В отличие от скал, окружающих большую часть озера Кривого, берег, откуда вытекает в море ручей и где раньше, очевидно, было горло залива, сложен из осадочных пород – валунов и песка-глины между ними.

Много раз мне приходилось видеть, как весной припайные льдины всплывают с литорали с вмороженными в их брюхо валунами. Выносимые весной через мелководные проливы, такие льдины могут зацепляться за дно и, растаяв на месте, положить в растущую перемычку свой камень. Этот процесс добавляется к тектоническому подъёму берегов, ускоряя его. Именно этим можно объяснить, почему буквально на наших глазах, при жизни одного поколения, ухудшаются условия прохода через такие пороги-перемычки моторных лодок и мотоботов. Это – самая “молодая” геология.

Есть ещё один геологический процесс, о котором мне не приходилось читать. Если вы летним безветренным солнечным днём выйдете в прилив к берегу песчаной бухты, например Круглой или Сельдяной, то можете увидеть на поверхностной плёнке воды поднятые, очевидно, с подсушенного в отлив грунта частицы песка. Картина похожа на насыпанный на пол после уборки комнаты мелкий мусор. Под микроскопом видно, что эти частицы обычно удлинённые и плоские – их поверхность относительно большая, чем у круглых песчинок, и они сильнее подвергаются подъёмной силе поверхностной пленки. Дважды в сутки отлив сортирует грунт песчаной литорали и уносит в море отобранные частицы. Разовый масштаб невелик. Но ведь сантиметры в год движения тектонических плит раздвинули берега Атлантического океана на тысячи километров.

Как-то к причалу “Картеша” подошёл катерок и оставил на берегу несколько молодых людей в штормовках с громоздкими приборами. Старший попросил на сутки корабль с лебёдкой и объяснил для чего. Известно, что вдоль Кандалакшского залива идёт впадина глубиной чуть больше 300 м. Так вот, гравитационные измерения по изменению орбиты спутников показали, что под дном впадины породы

легче скалистого грунта. Предполагается, что щель впадины на самом деле значительно глубже дна и что она, скорее всего, заполнена осадочными породами. Если эти породы содержали органику, то возможно за счёт её разложения истечение газов со дна впадины. Проверить это геологи и хотели, спустив на некоторое время на дно свои чувствительные приборы. Через сутки с небольшим “Ладога” вернулась из рейса, и геологи сказали, что их гипотеза подтвердилась.

Немного топонимики и истории

Сомневаюсь я в великих морских победах Киевской Руси на Чёрном море. Разве что морские бродяги варяги, когда-то освоившие и речные пути в греки, могли научить наших предков, приречных земледельцев, морскому судостроению. Ну а чтобы с моря завоевать Константинополь, вобравший тысячелетние морские традиции, это уж совсем вряд ли. “Варенгосы”, так называли наёмников-иностранцев греки, были люди, мягко говоря, грубоватые, и, когда они за службу поощрялись разрешением посетить столичный город, от них требовалось частично разоружиться, оставив вооружение на наружной крепостной стене. Так что пушкинское “Твой щит на вратах Цареграда” — отнюдь не свидетельство морской победы.

Самым русским морем надо считать не Чёрное, а Белое. Такого обилия чисто русских названий географических объектов я, побывавший на всех морях нашей страны, больше нигде не встречал. Правда, часто они здесь чередуются с саамскими и карельскими названиями. Иногда возникают гибриды — Канда-губа, Нильмо-озеро, Киндо-мыс, Коровья Варакка.

Мысы здесь часто называют “наволок” — слово, очень яркое по своей образности. С какой бы скоростью ты ни плыл вдоль берега, всегда ориентируешься на кончик ближайшего мыса, который медленно, как далёкое облако, “наволакивается” на тебя. Прошёл один мыс, следом наволакивается второй.

С века XIII Беломорье осваивали новгородцы. Они не претендовали на обширные территории, а поначалу оседали в устьях сёмужьих и жемчугоносных рек и лишь потом осваивали морские промыслы и добычу слюды. От многих названий веет глубокой древностью. На Карельском берегу южнее Картеша есть поселение Гридино. А “гридь” — это тыловая служба княжеской дружины киевской поры. Ведь для того, чтобы дружина была боеспособной, нужно было растить коней, ковать оружие, одевать и хорошо кормить воинов. Например беломорской сёмгой, которую ловили в устьях рек.

Карелы обычно жили на реках и озёрах выше устьев, и между ними и русскими, очевидно, не возникало существенных конфликтов, скорее, отношения строились на взаимопомощи.

Реформы П. А. Столыпина начала XX века, направленные на интенсификацию сельской жизни, коснулись и Беломорья. Без всякого насилия, только путём льгот и “подъёмных”, озёрные карелы стали привлекаться к освоению морских побережий. Обычно выселялись люди помоложе, а кто постарше — оставались в родной деревне. Так образовывались пары карельских поселений, обитатели которых были связаны родственными узами. Например, изначальная деревня Нильмо-озеро породила Нильмо-губу, а Боярская — изумительно красивый морской посёлок Сон-остров. Так совсем недавно появились новые названия.

Рядом с Картешем лежат в море многочисленные острова Керетьского архипелага. Окна лабораторного корпуса Биостанции смотрят на остров Кереть. За островом начинается Керетьский залив, а в него, заканчиваясь почти километровым порогом, впадает сёмужья и жемчугоносная река Кереть. На правом берегу её видны остатки мощных рыбных складов. По левому берегу — разваливающиеся строения старинного села Кереть. Когда-то здесь были владения новгородской семьи Борецких. Когда жемчуга на царских одеяниях Ивана Грозного потускнели, оживить их взялись старухи села Кереть. Под их ру-

ководством обнажённая красавица-девица ежедневно погружалась с жемчугом в воды озера Заборного, и царский наказ был исполнен. Объяснение этому – в реакции воды озера, подкисленной гуминовыми кислотами. Позже это стали делать, скармливая драгоценности уткам (реакция желудочного сока), а в наши дни просто в пробирке с соляной кислотой. Для нас эти факты интересны как доказательство древности поселения. Должно было пройти достаточно времени, чтобы были отработаны приёмы не только добычи жемчуга, но и его омоложения.

Если вы едете поездом из Петербурга в Москву и засветло проезжаете Чудово, сразу за станцией состав проходит через мост, перед которым на щите белым по синему надпись – “р. Кереть”. Эта река пересекает Новгородчину и в низовьях перед впадением в Ильмень протекает совсем рядом с Великим Новгородом. А теперь произнесите быстро Кереть – Кереть. Не правда ли, звучит почти одинаково? Совершенно очевидно, что новгородец-переселенец, увидев похожую на его родную реку беломорскую, да еще такой же ширины, перенес на неё знакомое имя. Ну не знал он разницы между именами собственными и нарицательными.

Когда-то Кереть была третьим по значению портом на Белом море. Керетская волость была опорой Соловецкого монастыря, поставляя ему в обязательном порядке сено и сляду. “Керетские люди били в ямах сляду” с XVII века. Десятина шла “Великому Государю”. Остальное делилось на четыре части: одна часть шла Соловкам, три части – самим керетчанам. В 1781 году Любек закупил 500 пудов сляды, а Англия и Ирландия – 2 721 пуд (К. П. Гемп, 1983. Сказ о Беломорье. Архангельск). Шла сляда на пролези барабанов церковей – листового стекла тогда почти не делали, и оно было мутным и безумно дорогим. Кроме того, керетчане добывали жемчуг, варили соль из морской воды, умели строить мельницы, ловили сёмгу. Наряду с Чёрной речкой, Княжой, Ковдой, Кандалакшей и другими сёлами Кереть служила ямщицкой станцией на пути на Мурман. В селе, как мне говорили старики, было до полутысячи лошадей.

Был у Керети даже свой святой – у Б. Шергина есть замечательная лирическая баллада о Варлаамии Керетском.

Долгие годы основным административным центром притяжения для этих краёв был Архангельск, и всё, что располагалось западнее линии ямщицких станций, считалось глушью. До тех пор, пока героическими усилиями за неполных два года (1915–1916) воюющая Россия не построила железную дорогу Званка (теперь Волховстрой) – Мурманск (тогда только что заложенный Николаев-на-Мурмане). И вдоль этой железной дороги выстроились многие современные центры Карелии. Изменились размеры посёлков – преимущество получили станции при депо, где паровозы ремонтировали и заправляли углём и водой. Сейчас электровозы не нуждаются в долгих остановках, и выросшим при депо поселкам теперь нужны новые занятия.

Когда я уезжал из маленького белорусского городка поступать на биофак Ленинградского университета, провожавший меня сосед, бывший железнодорожник, подарил мне свиток со списком станций от Двинска и далеко на север, за Ленинград. Выведенные с нажимом буквы различались размерами, соответствуя величине и значению станций, и везде было указано расстояние в верстах. Александр Петрович Лисовский, строитель Мурманской железной дороги, был моим современником...

С постройкой железной дороги началась новая жизнь края, и при этом стали постепенно исчезать чётки архангелогородского поморского быта. Появились новые названия, вроде посёлка Чкаловского.

Мне долго представлялось, что поморское начало сохранилось где-то там далеко, на Терском берегу. А оказалось, что носительница его работает на биостанции уже несколько лет разнорабочей. Эта старушка из Чёрной Речки, так по современному знающая свои права по КЗОТУ и с его помощью проедавшая мне плешь за переработки, оказалась самой яркой поморкой. Так сочно рассказывала она о том,

как чернореченцы, идущие на веслах в Кереть, делали на мысу острова Песчаного стоянку на отдых. Одна из девушек всегда варила кашу (это было её испытание), почти все плясали под пение (гармоней, балалаек эти поморы-старообрядцы не держали).

До сих пор для меня загадка, почему в этих краях практически не использовался парус. Лишь иногда в разгар лета, когда в Кандалакшском заливе устанавливается нечто вроде режима бриза – (днём и белой ночью ветер может дуть в разные стороны), – использовался “карельский парус”: – установленная в носовой части лодки густая ёлка. Я ещё застал время, когда под таким “парусом” работники заповедника ходили с острова Великого за получкой в Кандалакшу и обратно.

Работа на вёслах (обычно помор сидит по центру с распашными веслами, а жена с маленькой кормовой парой лицом к нему, глядя вперёд, – на корме) – труд нелёгкий. Наверное, поэтому до сих пор сохраняются следы волоков и каналов, сокращающие пути лодок между старинными сёлами. Прямо против лабораторного корпуса Биостанции остров Кереть пересекает теперь уже сухой канал, ведущий в одноимённую губу и село. А у узкого основания-черенка похожего в плане на лист мыса Кузокоцкого, где ещё видны следы скользких лежачков пересекающего его волока, расположен рыбоприёмный пункт Подволочье. Керетчане упорно и справедливо с их стороны называли его Заволочьем – для них оно находилось за волоком. Победил чернореченский вариант – это село было ближе.

Происхождение названия Картеш (иногда пишут Картеж) для меня неясно. Подозреваю, что оно не очень старое и не имеет отношения к картёжной игре, которую не очень уважали карелы и суровые старообрядцы поморы. Мне кажется, что оно возникло относительно недавно, во время работы занимавшихся топографической съёмкой картографов. Только замученные хождением по скалам и болотам, искушенные комарами и мошкой люди могли дать красивейшим местам унылые названия – бухта Круглая, бухта Левая, озеро Кривое. Может быть и слово Картеш в этом ряду – здесь на карту наносились результаты съёмок окрестностей, совершался “картеш”.

Даже если название это возникло столь непозитичным образом, слово Картеш, обозначающее красивейший мыс, всегда будет для побывавших здесь овечно романтикой.

Ну а самое молодое из предмета топонимики название возникло, можно сказать, на наших глазах. Когда первого директора ББС В. В. Кузнецова пришедшие заправиться кривоозёрской водой военные моряки спросили, как называется запирающий бухту островок, он им ответил: – “остров святого Феттах”. Это была шутка: авторитетного и представительного старшего ихтиолога станции звали Феттах Бакирович Мухомедияров. И вот имя этого достойного современника навсегда осталось на морских картах.

Предшественники “Картеша”

Так уж сложилось в нашей стране – основные научные и учебные учреждения создавались в городах, удалённых от моря, – Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Харькове. Единственный университет России, расположенный на берегу полносолёного моря, – относительно молодой Дальневосточный.

Самое близкое к российским столицам море – Белое – стало осваиваться биологами с 1881 года: в этом году Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей была создана Соловецкая биологическая станция, просуществовавшая до 1899 года, после чего она была переведена на побережье Баренцева моря в только что основанный в качестве уездного города Александровск. В превращении этой Мурманской биологической станции в одну из самых лучших в мире (её сравнивали с Неаполитанской) выдающуюся роль сыграли К. М. Дерюгин, С. В. Аверинцев и её директор с 1908 по 1933 год Г. А. Клюге (1871–1956).

О трудностях её становления можно судить по тому, что до конца 1916 год (времени постройки железной дороги до только что основанного Мурманска – Романова-на-Мурмане) связь станции с цен-

тром России осуществлялась морем: летом – через Белое (до Архангельска), зимой – вокруг Скандинавии и далее Балтикой. Этим путём получали материалы и оборудование, отсылали для обработки пробы и учебные коллекции по заказам самых разных учреждений вплоть до реальных училищ и гимназий (среди них, в частности, и Гаванская гимназия на Васильевском острове, где я сейчас живу), прибывали группы исследователей, преподавателей и студентов. Были случаи, когда пароход доставлял из Петербурга группу учителей-биологов числом более ста.

Почта зимой доставлялась на санях: вдоль Белого моря лошадьми (почтовые станции Сорока, Кереть, Ковда, Княжая, Кандалакша и др.), по Кольскому полуострову – оленями. Как рассказывал мне Г. А. Клюге, почтовики относились к своей работе очень ответственно – письма и газеты получались практически ежедневно, хотя в пути они были 7–10 дней.

Особо нужно подчеркнуть, что благодаря героическим усилиям Германа Августовича Клюге часть зданий и оборудования, библиотека и коллекции станции были сохранены в годы иностранной интервенции и всеобщей разрухи гражданской войны. И уже в 1921 году были восстановлены гидролого-гидробиологические разрезы по Кольскому меридиану. Для интересующихся более глубоко историей Соловецкой и первой Мурманской биологической станции рекомендую написанный Г. А. Клюге «Исторический очерк развития Мурманской биологической станции» (Труды Мурманской биологической станции. Т. 1. 1925).

В разные годы на Мурманской биологической станции практиковались в морской биологии будущие крупные ученые: Д. М. Федотов, А. М. Дьяконов, Л. А. Зенкевич, Е. М. Крепс, Е. Ф. Гурьянова, П. В. Ушаков и многие, многие другие.

В 1933 году после посещения Александровска-Полярного Сталиным, Кировым и Ворошиловым здесь было решено создать базу подводных лодок. Эта база сыграла огромную роль в годы Великой отечественной войны, в частности в обеспечении прохождения караванов РQ с оружием, боеприпасами и продуктами от союзников, а также в послевоенные годы как основа создаваемого атомного флота страны. Для самой же биостанции визит вождей имел катастрофические последствия: станция была закрыта, ведущие специалисты репрессированы. Об этом времени рассказала В. С. Танасийчук в очерке «Аресты на Мурманской биологической станции в 1933 году» (Сб. Репрессированная наука. Т. 2. СПб, 1994).

В качестве компенсации биологам дали средства для постройки в поселке Дальние Зеленцы, тоже на северном побережье Кольского полуострова, но восточнее Кольского залива, новой биостанции, которая и была открыта в 1937 году усилиями моего учителя П. В. Ушакова. В книгах академика Л. А. Зенкевича неоднократно упоминается о том, что эта биостанция создана без прямых предшественников. Очевидно, это было связано с политическим требованием не ссылаться лишней раз на исследования в местах, ставших секретной базой. Нужно восстановить историческую справедливость и считать Мурманскую морскую биостанцию в Дальних Зеленцах, несомненно, прямой наследницей биостанции в Александровске-Полярном и, тем самым, Соловецкой. Новую биостанцию на Кольском полуострове создавали в основном специалисты, прошедшие подготовку на старой Мурманской биостанции и воспитанные в духе её традиций – первым научным руководителем новой МБС был прошедший школу работы в Полярном П. В. Ушаков, много лет её сотрудником был Г. А. Клюге. Интересные фотодокументы строительства и первых лет работы Мурманской биологической станции в Дальних Зеленцах находятся в настоящее время в библиотеке Беломорской биологической станции на мысе Картеш.

С 1908 года несколько лет существовала летняя учебная биостанция на Белом море, организованная в Ковде К. К. Сент-Илером, профессором Дерптского, а затем Воронежского университета. О каждой поездке публиковался отчёт. Своеобразным отчётом оказалась изданная в 1916 году небольшая книж-

ка, рассказывающая о том, с какими трудностями добирались до столицы вступившей в мировую войну страны студенты со своим преподавателем – дорога (железной ещё не было) заняла около месяца¹.

С 1931 года под руководством известного океанолога В. В. Тимонова работала морская станция Государственного гидрологического института (ГГИ) в Пирию-губе около поселке Умба на юге Кольского полуострова, проводившая и биологические исследования². На этой маленькой станции сформировались как исследователи-гидробиологи В. В. Кузнецов (будущий директор Мурманской биостанции в Дальних Зеленцах и директор-организатор Беломорской биостанции Зоологического института), Т. А. Матвеева, Г. В. Кречман, Г. С. Гурвич. Интенсивно работала на станции планктонолог М. А. Виркетис. Эта станция прекратила своё существование в годы сталинских репрессий.

Как мне подсказывает опыт, есть резон в противопоставлении деятельности биологических станций работе корабельных экспедиций – у них существенно различны организационные принципы и возможности работ. Правда, бывают ситуации, когда различия сглаживаются: небольшие корабли обслуживают береговой стационар (сбор материала для экспериментов, “декадные” точки и др.), или когда суда регулярно повторяют как бы стационарные разрезы (вроде известного разреза по Кольскому меридиану).

Тем не менее, при схожести задач работа биостанций и корабельных экспедиций – это обычно разные несмешивающиеся жанры, как опера и оперетта. Одно выдающееся исключение – в процессе проведения с 1922 года прекрасно организованной Беломорской экспедиции К. М. Дерюгин фактически определил успешное развитие этих двух направлений морской биологии в нашей стране. Отработанные на Белом море принципы взаимодействия стационарных и экспедиционных морских биологических работ впоследствии были успешно внедрены К. М. Дерюгиным на Дальнем Востоке.

С 1945 года работала биостанция Карело-Финского университета, основанная профессором С. В. Гердом в деревне Гридино на Карельском берегу Белого моря³. Туда привозила ленинградских студентов блестящий преподаватель профессор Е. Ф. Гурьянова, способствовавшая превращению в морских биологов многих студентов не только кафедры гидробиологии. Среди первых, работавших на этой станции студентов, был проф. А. К. Дондуа, ныне много лет возглавляющий Санкт-Петербургское общество естествоиспытателей. То самое общество, которое более 120 лет назад создало первую биостанцию на Белом море.

Есть общие трудности у всех морских стационаров. Это фактически круглосуточное пребывание в режиме экспедиции: вдали от магазинов, почты и больницы. В таких случаях обычные для любой социальной структуры центробежные и центростремительные тенденции приобретают особое значение. С моей точки зрения, в данных условиях особенно важна централизация и дисциплина чёткого режима. Это в интересах всех участников совместной работы, что, к сожалению, становится очевидным только в критических ситуациях.

Мои учителя, известные морские гидробиологи Е. Ф. Гурьянова и П. В. Ушаков, рассказывали, что в течение четверти века директорства в Александровске Г. А. Клюге на станции совершался характерный для корабельных кают-компаний ритуал приёма пищи: когда появлялся директор, все вставали и только после его приветствия садились и приступали к еде. При этом Герман Августович (два последних

¹ Сент-Илер К. К., Отчет об экскурсии студентов физико-математического факультета ИЮУ. На Белое море летом 1915 года. – Ученые записки Императорского юрьевского университета. – Юрьев, 1916. Т. 24, № 2. С. 1–12

² Тимонов В. В., Беломорская методическая станция Государственного гидрологического института. – Тр. Гос. океанограф. ин-та. Вып. 1, 1947 С. 95–117.

³ Герд С. В. Морская биологическая станция Карело-Финского государственного университета // В кн.: Работы морской биологической станции Карело-Финского государственного университета (с. Гридино на Белом море). Вып. 1. – Петрозаводск: Госиздат Карело-ФинССР, 1949. С. 3–9.

года его жизни мы работали с ним в одном кабинете) запомнился мне очень скромным человеком с тихим голосом. Кстати, таким же тихим голосом он однажды мне сказал: “Придѣте ко мне, не удивляйтесь, что диван такой жѣсткий – там сухари. Этому меня время научило”.

Сотрудники краеведческого музея в поселке Полярном обещали познакомить меня с письмами Ключе, в которых он горько сетует на пьянство и необязательность рабочих. Как это знакомо руководителям всех морских биостанций!

Владимир Васильевич Кузнецов

Беломорская биологическая станция Зоологического института как учреждение существовала ещё до того, как она обосновалась у мыса Картеш в бухте Кривозѣрской. Еѣ недвижимостью было трёхкомнатное помещение в жилом доме по улице Куйбышева в Петрозаводске – там на кухне была канцелярия, а в комнатах рабочие места для обработки материала. Была и очень ценная движимость – работавшее на Белом море судно “Профессор Месяцев”.

Но биостанция даже с хорошим кораблем, но без постоянного места на берегу моря – нелепость. Станция – от слова *statio*, что означает “место”.

Организатором и первым директором ББС на Картеше стал Владимир Васильевич Кузнецов.

Когда после первого курса летом 1950 года В. А. Догель отправил нас с Юрой Балашовым на Мурманскую биологическую станцию в Дальние Зеленцы, Кузнецов был там директором. Нас, студентов, в экзотических условиях полярной биостанции всех без исключения романтиков-трудооголиков поражала чрезвычайная работоспособность директора. Тогда были такие типы людей – чудом выжившие в пекле войны, они, вернувшись к любимому довоенному делу, отдавались работе с удвоенной страстью. Таки ми были мужчины-учителя в моей школе в маленьком белорусском городке Браславе.

Владимир Васильевич прошел всю войну. Был дважды ранен на Ленинградском фронте. Одно время был военным комендантом освобожденной Риги.

На Белое море его привел научный интерес. Ещё в Дальних Зеленцах он вместе со своей женой, замечательным натуралистом Татьяной Алексеевной Матвеевой, начал сравнительные изучения особенностей биологии одних и тех же видов в столь различных водоѣмах – Баренцевом и Белом. Баренцево море с солѣнностью вод как в Мировом океане никогда не замерзает благодаря ветви Гольфстрима; Белое море полгода покрыто льдами, летом из-за большей континентальности климата литораль может очень сильно прогреваться, солѣнность вод примерно на треть ниже баренцевоморских. А общих видов весьма много. И среди них такие обычные, как мидии, несколько видов литторин, трубачи-букцинумы, краб-паук, креветки, морские ежи, сельди, зубатка, треска. Для этих видов в обоих морях нужно было установить продолжительность жизни, скорость роста, возраст полового созревания, соотношение полов, условия нереста. Эти исследования и привели Владимира Васильевича на Белое море. Никто как он не чувствовал необходимость организации на его берегах биологического стационара. Родственник-геолог из поселка Чупа обратил внимание на бухту Кривозѣрскую, что в основании мыса Картеш. Место показалось Кузнецову удачным.

Инициативу Кузнецова по созданию стационара поддержал Зоологический институт и биологи Карелии, и скоро “Профессор Месяцев” с представительной комиссией на борту ходил по Белому морю в поисках подходящего места. Как мне рассказывал участник происходившего, А. Н. Световидов, Кузнецов никому заранее не говорил о своем выборе. Он просто сделал так, чтобы заболтанные качкой члены комиссии проснулись, когда судно с затихшим двигателем стояло в Кривозѣрской губе. Хитрость удалась – каждый из членов комиссии потом утверждал, что именно он выбрал для биостанции это замечательное место. И поэтому все они всегда оказывали поддержку “своему детищу”.

19 июля на станции отмечается её день рождения. В этот день в 1957 году впервые была взята “декадная станция” — со стоявшего на якорю примерно в полукилометре от берега судна с горизонтов 0,5, 10, 15, 25 и 60 м отлавливался специальными сетями фито- и зоопланктон, определялась послойно температура, солёность и концентрация биогенных веществ. С тех пор летом каждое 10, 20 и 30-е число с судна, а зимой (иногда реже) из стоящей над прорубью будки вот уже почти полвека регулярно проводится этот комплекс исследований. Начался он ещё до того как мы услышали слова “экологический мониторинг”, а сейчас такого длительного ряда наблюдений больше нет ни у кого.

По стандартной легенде, строительство станции началось якобы с бани. Недавно я получил “показание” участника этого события, А. В. Макрушина. В тот день жившие в палатке мужчины в ожидании приезда коллег-женщин первым делом построили стационарный туалет.

А с докторской диссертацией со сравнительным анализом биологии одних и тех же видов в разных морях у В. В. Кузнецова начались неприятности. Дело в том, что он не всегда был мудр. Характерная для чудом выжившего фронтовика жадность к активному действию, стремление к рациональности, которая была лозунгом того времени, привели В. В. Кузнецова к большой тактической ошибке — в своей рецензии в Зоологическом журнале на книгу Л. А. Зенкевича “Фауна и биологическая продуктивность моря” он, будучи во многом правым по существу, явно переусердствовал в политической лексике того времени.

Научная правота Кузнецова заключалась в том, что он не видел жёсткой связи биомассы с биологической продуктивностью. И до сих пор неясно, что дает на Каспии больше биологической продукции в год — высокая биомасса размножающихся единокорно полихет *Nereis* или малые биомассы круглогодично размножающихся нематод и олигохет, которых *Nereis* охотно поедает.

Однако школа академика Л. А. Зенкевича включилась в преследование подготовленной Кузнецовым диссертации. В коллективном отзыве на имя ученого совета Зоологического института москвичами приводилось самое страшное для любого диссертанта обвинение — в фальсификации данных.

Специальная комиссия (Г. У. Линдберг, Ю. И. Полянский, Ю. Л. Горощенко) полностью сняла эти обвинения. После блестящей защиты с единогласным голосованием в ЗИНе (помню, она продолжалась с 14 до 22 часов) потребовалась перезащита в Высшей аттестационной комиссии — ВАКе, и она тоже завершилась единогласным голосованием. Главным упреком оппонентов диссертанту было то, что он выражал результаты данных своих измерений в единицах на тысячу (вместо привычных единиц на сотню, т. е. процентов), и при этом в некоторых случаях число измеренных особей было меньше тысячи (а что, проценты всегда выражают только от чисел выше ста?).

В дискуссии в Москве в Институте океанологии РАН я, тогда свежеепеченный м.н.с., сказал, что в этом случае достоверность результатов Кузнецова много выше, чем при измерениях биомассы бентоса Баренцева моря по одному дночерпателю (рабочей площадью в четверть квадратного метра) на поверхность дна в квадратную милю, а именно так работали тогда бентологи-оппоненты.

По материалам диссертации Кузнецов опубликовал две монографии, актуальные и до сего времени⁴. Я уверен, что очень большую пользу принесёт выполненное по схеме Кузнецова исследование общих видов другой пары морей — Чёрного и Азовского. Хотелось бы, чтобы за это кто-нибудь взялся. Давно взываю.

Правильно и справедливо, что нынешний флагман картешанского флота называется “Профессор Кузнецов”.

⁴ Кузнецов В. В. Белое море и биологические особенности его флоры и фауны — М.-Л.: Изд. АН СССР. — 322 с.

Кузнецов В. В. Биология массовых и наиболее обычных видов ракообразных Баренцева и Белого морей. — М.-Л.: “Наука”. — 242 с.

Немного о науке

Будучи тяжелобольным, за несколько месяцев до своей кончины (6 июля 1961 года) В. В. Кузнецов рекомендовал меня на должность директора ББС. Произошедшее дальше тоже даёт представление об эпохе. Оказывается, я тем самым становился кандидатом в “номенклатуру” Карельского обкома, и для собеседования меня вызывали в Петрозаводск. Учитывая мою молодость и, очевидно, обычную готовность подобных кандидатов в “номенклатуру” делать то, “что нужно”, со мной не особенно церемонились: “Забудь про всяких своих букашек-таракашек! Стране нужна нефть. А в скважину, когда её бурят, сбоку протекает вода. А воду лучше всего останавливает мука из сухой водоросли фукуса – он набухает и становится пробкой. Вот и будешь его там у себя на Белом море заготавливать”.

В тот же день я уезжал назад, ни секунды не сомневаясь в правильности своего отказа. И до сих пор считаю, что академическая и университетская науки сами должны знать, чем они могут быть полезны обществу. Лучше любых чиновников-руководителей.

Недавно я узнал, что написал В. В. Кузнецов директору ЗИН академику Е. Н. Павловскому в ответ на поступившее ему предложение создать новый морской стационар: “Я могу взять на себя руководство организацией и деятельностью Беломорской биологической станции только в том случае, если в задачу этого учреждения не будет входить решение прикладных вопросов рыбной промышленности”.

И это писал человек, который сам настойчиво “продвигал” в Минрыбхозе предложение о преимущественной добыче в Белом море рыб с коротким жизненным циклом (горбуши, например) именно потому, что это был вывод его диссертации.

После преждевременной кончины В. В. Кузнецова директорами на Картеше последовательно были М. Н. Русанова и З. Г. Паленичко. С 1965 по конец 1978 года, т. е. почти 15 лет директором ББС имел честь быть я. На этот раз мне была предоставлена свобода формирования научной тематики при доброжелательном отношении дирекции и учёного совета ЗИН.

Для меня и пришедших со мною это было временем внедрения экспериментального метода во все традиционные или новые направления работ.

Первым шагом было сокращение длительных рейсов судов по сбору бентоса – по тому, что обнаружилось в хранилище проб, было понятно, что пока нижний слой собранного сгнивает, берутся по повышенным обязательствам к соответствующим красным датам новые материалы под предлогом обеспечения потребностей рыбной промышленности. В этом “наполеоне” было уже шесть слоев.

Из собранных тогда тяжёлым трудом проб донных животных до сих пор (2005 год) выбраны и обработаны только креветки, а их меньше дюжины видов. Всё остальное лежит мёртвым грузом в хранилищах.

Позже до меня стало доходить, что эта порочная практика весьма распространена. Недавно в диссертации Ю. А. Лайуса я прочитал, что из ихтиологических материалов работавшей в начале прошлого века Мурманской экспедиции тщательно обработано только семейство ликодов. В этом семействе был лично заинтересован научный руководитель экспедиции академик Н. М. Книпович и он, мягко говоря, не способствовал тому, чтобы его кто-то обгонял в обработке других групп.

Мы можем догадываться, как дорого обходится сбор проб морских организмов в Антарктике. Так вот, до сих пор в хранилищах богатых американских институтов остаются необработанными девять десятых антарктических сборов донных организмов.

А тут вдруг на ББС прекратились “героические рыбохозяйственные” рейсы – корабли стали выходить то за морскими ежами для каких-то эмбриологов, то за морскими ангелами ради их каких-то нейронов, то за никому не нужными гребневиками, чтобы наблюдать биение их гребных пластинок. И появилась

в республиканской газете заметка заслуженного деятеля рыбной промышленности Карелии Ломова “В тихой заводи” – сами понимаете, с руганью и рекомендациями. Дирекция Зоологического института – ЗИНа приказала мне: “Покайся!” (это был год, когда по указанию Смольного изымался тираж учебника генетики М. Е. Лобашова). Я не покаюсь и тем горжусь.

А картешане на основании лабораторных и ближних полевых исследований раскрыли секреты развития молоди сельди и тем самым показали, как можно регулировать её численность и уловы. Они разработали методы коммерческого культивирования в условиях северного моря ценнейшего беспозвоночного – моллюска мидии. Никакими героическими рейсами кораблей этого нельзя было сделать. Это можно было сделать только на организованном стационаре, оснащённом лабораторным оборудованием, термостатированными комнатами, аквариумами и т. д.

Как-то в книжном магазине Чупы я купил переводную книгу В. Платта “Информационная работа стратегической разведки” (1958). Прочитал и поразился, как много общего у этого вида деятельности с наукой. У того и другого общая задача – узнать неизвестное минимальными усилиями. Разведчики предупреждают о некоторых типичных ошибках своих исследований. Одна из них названа “строительство сверхдлинного моста”. Вы строите мост, и всем понятно, что вы заняты очень полезным делом. Но строите его так тщательно и так долго, что пока вы дойдёте до конца, начальные звенья построенного уже так устареют, что их нужно будет заменять. По вашему мосту никто никогда не поедет. Но вы проведёте свою жизнь, успешно убеждая себя и окружающих в её большой полезности. Как часто встречаются такие “сверхдлинные мосты” в некоторых науках! И как важно периодически обобщать сделанное.

Это сделанное – завершённый труд исследователя – по своим последствиям бывает различным.

Некоторые работы ставят, решают и тем самым закрывают проблему. Они мне напоминают открытие угольного пласта, тщательное изучение его, полную выработку с выдачей угля на-гора, после чего вы подметаёте опустевшие полости и пишете отчёт.

Другие работы напоминают мне иллюстрацию из моего школьного географического атласа, ещё довоенного. Упорный средневековый монах дошел до края Земли, пробил посохом купол небесной тверди и высунулся наружу – перед ним бесконечность совершенно нового мира.

Оба сорта работ нужны и заслуживают одобрения.

Так какая же наука должна культивироваться на морских биологических станциях? Уверен, что на станциях нужно в первую очередь заниматься тем, чем можно заниматься только на станциях – морскими организмами этих мест.

Морская биота первична по отношению к пресноводной и наземной. Она сохранила высокую степень эндемизма крупнейших таксонов – только в море живут коралловые полипы, сцифомедузы, актинии, гребневники, боконервные и голожаберные моллюски, иглокожие, асцидии. В пресных водах встречаются лишь единичные виды таких больших групп, как гидроиды, немертину, полихеты, акулы и скаты.

В море сохраняются и наиболее простые, исходные формы проявления жизнедеятельности. Например, способность покровов многих организмов к внекишечному поглощению сахаров и аминокислот и выделению во внешнюю среду сигнальных пептидов и оборонительных перекисей; тотальное дробление яиц и разнообразие личиночного развития; отсутствие регуляции осмотического давления – пойкилоосмотичность.

Поэтому без исследования морской биоты, её специфики, не может быть полноценного развития биологии и становления биологов разных специальностей. Основные места таких исследований и морской учебной практики – морские биостанции. Оправдали себя два общих подхода к планированию работ станции.

Первый – это регулярные, сезонные и многолетние, наблюдения и сборы на избранных местах. Выдающимся примером может служить наша “декадная станция” – каждые десять дней на одной точке постоянно определяется температура, солёность, содержание кислорода и биогенных солей, собирается планктон. И так уже почти 50 лет. Каждому ясна ценность такого мониторинга. И именно таким путём можно выяснить жизненные циклы организмов и многолетние тенденции изменения условий жизни и изменений в сообществах.

А второй – не острые, а хронические, долговременные эксперименты в лаборатории с регулируемой температурой. Организму при этом можно задавать любые вопросы, но обязательно “при прочих равных”, и получать устойчивый воспроизводимый ответ. А устойчивым ответ становится лишь после 1–2 недель нового воздействия, в результате прошедшего приспособления – акклимации. Так появляется возможность сравнивать свойства разных выборок животных: выдержите их в стандартных условиях не менее двух-трех недель – и сравнивайте. Иначе вы будете иметь дело с артефактами.

Теперь немного о математизации. Бытует мнение, что наука – только там, где есть математика. Вроде бы без математических доказательств достоверности факты вообще нельзя признавать. Будучи научным руководителем многих работ и постоянно членом аттестационных комиссий, я обычно придерживаюсь таких взглядов.

Но вот поймали единственную латимерию – древнюю кистепёрую рыбу, считавшуюся давно вымершей. И что, этот факт не признаем до тех пор, пока их не будет пойман десяток? Однажды я пришёл со своим материалом к коллеге по Зоологическому институту известному – математику А. А. Умнову. Суть дела заключалась в следующем. Каждый год в первой половине июля, когда устанавливается тёплая безветренная погода, у берегов Кандалакшского залива всплывает со дна для размножения масса очень эффективных червей-нерейд *Alitta (Nereis) virens*. Они зеленовато-голубого цвета, длиной до 30 см и толщиной в большой палец. Самцы и самки, покинув норки на дне, плавают у самой поверхности, выделяя половые продукты в воду. Тем самым увеличивается вероятность оплодотворения – это происходит не на сложном рельефе дна, а, по сути, в одной плоскости. Но при этом черви становятся беззащитными перед хищниками. Рыба – треска, зубатка, горбуша, бычки – перехватывает нерейд в толще воды при всплывании, серебристые чайки схватывают их с поверхности.

Создается впечатление, что в начале и в конце периода их размножения почти все черви выедаются хищниками, а смысл короткого и мощного нереста нерейд заключается в том, чтобы до предела закормить своими телами всех хищников, и только после этого их небольшой остаток получит гарантии оставить потомство. Как соблазнительно было описать это явление красивой формулой, тем более что это явление “взрывного нереста” известно и для других животных – вспомним лёт подёнок.

Реакция уважаемого математика была неожиданной: “Вы только что словами описали логическую модель явления. Математическая модель лучше не будет”.

Или вот ещё. Только что прочитал, что успешно завершено исследование – во сколько слоёв складывают туалетную бумагу граждане разных стран перед её употреблением по прямому назначению. С хорошей статистикой. Это, по-вашему, наука?

Потраченные усилия и наукообразие сами по себе не могут быть предметом гордости исследователя. Нужно ставить перед собой достойные задачи.

Сейчас, когда я пишу эту книгу, на самом верху ведутся разговоры о разделении фундаментальной и прикладной науки по разным ведомствам. Это глупо.

Михаил Васильевич Ломоносов, устанавливая фундаментальные законы сохранения и мироздания, варил стекло, творил художественную мозаику, писал торжественные оды. Без этой “двойной” жизни он как личность, наверное, бы не состоялся.

Так и не ставший академиком Дмитрий Иванович Менделеев, отправив с мальчиком в Учёный совет листок с только что открытым им периодическим законом элементов, в тот же день с облегчением поехал в Углич и Вологду консультировать сыроделов. Он создал отечественную метрологию – строгий контроль за единицами измерения. Водка сейчас делается на основании теоретических разработок Дмитрия Ивановича. На научной основе он сделал высоко рентабельным свое сельское имение. А по его учебникам по химии с глубокими фундаментальными обобщениями учились поколения.

Каждый биолог и медик согласится со мной, что великие открытия Пастера представляют собой тесно связанное единство прикладного и фундаментального.

Если бы великие физики прошлого века не совмещали в себе прикладное и фундаментальное – не было бы атомной промышленности, прорыва в космос, микроэлектронной техники.

Для меня свежий показательный пример – работы моего друга, который в далеком 1963 году впервые “завлѣк” меня на Картеш. Юрий Николаевич Городилов сделал крупнейшее фундаментальное открытие в зоологии – показал, что голова позвоночных возникла в эволюции как новообразование. Одним из объектов его исследований были личинки лососѣвых. В процессе работы создана важная для рыбохозяйственников периодизация стадий развития лососей и внедрена установка с регулируемой температурой, резко улучшающая качество выращиваемой на рыбозаводах для выпуска в море молоди.

Успехов вам всем, честно работающим на биостанциях!

Алиса Карловна

Одним из первых шагов В. В. Кузнецова за короткий срок его директорства на Картеше было создание библиотеки. Поначалу он отобрал в библиотеке Академии наук (БАН) ненужные там экземпляры книг. Обычно это были дубликаты. Но были и раритеты. Так, БАН с радостью рассталась с несколькими ящиками, содержащими сотни томов результатов подробнейшей триангуляционной съѣмки тихоокеанского побережья США. На всех томах красовалась сочная печать с орлом и свастикой – очевидно, этот трофей был взят в недрах центрального фашистского штаба, где он хранился на всякий случай. Для ББС всякий дар был в строку – нужно было набрать минимум томов, чтобы получить единицу библиотекаря.

Моим первым библиотекарем на Картеше была Алиса Карловна. Библиотека поразила меня своим порядком и хирургической чистотой. Чистота распространялась на весь дом и мостки вокруг дома. И даже на туалет – обычный двухчочковый сортир, построенный на четырёх высоких столбах над литоралью (прилив смывал продукцию); от берега к нему шло нечто вроде подвесного мостика. Так вот, Алиса Карловна еженедельно (или чаще?) мыла туалет с мылом.

Работу свою в библиотеке она очень любила. Особенно ей нравилось делать подборки по научным темам. Нужно сказать, что комплектовалась библиотека прекрасно. Я не помню отказов даже на заявки на иностранную литературу. Конечно, конкурировать с центральной зоологической библиотекой мы и не собирались. Но тематически мы комплектовались шире – нам нужны были книги и по ботанике, и по океанологии, справочная литература по химии, физике и т. д. Много было нужно в нескольких экземплярах, чтобы обеспечить потребности приезжающих коллег и студентов.

Уютнее места на Картеше не было, особенно в непогоду, когда Алиса Карловна протопит печи. Уверен, что это запомнили нынешние маститые заведующие кафедрами МГУ Вадим Дмитриевич Фѣдоров и Виктор Николаевич Максимов, написавшие в картешанской библиотеке общую книгу и первые главы своих будущих диссертаций. Вадим Дмитриевич приучил меня перетряхивать книги – так он извлѣк из

какого-то тома письма Николая Ивановича Вавилова, а я позже таким же образом – переписку знаменитого создателя и пилота первой батисферы Вильяма Биба (William Beebe) с переводчиком его книги на русский Евгением Рутенбергом (сыном организатора казни попа Гапона).

Недостаток у Алисы Карловны был единственный и проявлялся он регулярно в дни полочки или поштупления полевых. Дня два библиотека не работала, а из комнаты библиотекаря доносились пьяные крики бичей, звон бьющейся посуды. На третий день доступ к книгам открывался.

Но однажды на такой третий день Алиса Карловна принесла мне заявление об уходе: “Не хочу быть вам в тягость...”

Когда в ожидании рейсового катера “Навага” мы с Алисой Карловной сидели на крыльце библиотеки, я услышал её историю.

Родилась она в Канаде. Родители, финские эмигранты, откликнулись на призыв Советской власти и в начале 1930-х приехали в Карелию помогать заготавливать лес. Таких романтиков-энтузиастов было много, и поначалу их приняли очень хорошо. Для их детей даже был построен колледж. Но в конце тех же памятных 30-х родителей расстреляли, и девочка попала в детский дом. И до сих пор она не может понять – кто она в этой жизни, где её родина и какой язык её родной. И так становится невыносимо...

Многие добрые традиции библиотеки идут до сих пор от Алисы Карловны. А её следы, каюсь, я давно потерял.

Михаил Васильевич Иванов и строительство

Михаил Васильевич Иванов сыграл большую роль не только в становлении “Картеша”, но и всей крепко теперь стоящей на ногах академической науки Карелии. Прошедший всю войну от московского наступления в декабре 1941-го до самого её конца, он закончил географический факультет Петрозаводского университета и был назначен основателем и первым директором городского ботанического сада. Этому творческому делу он отдался с энтузиазмом – было посажено много экзотических растений, и в саду появились небольшие аккуратные домики. Вот с этими-то маленькими служебными помещениями и был связан первый партийный выговор Михаилу Васильевичу. В те годы, как, впрочем, и сейчас, труд рабочих по зелёным насаждениям был самым низкооплачиваемым. И директор решил оказать внимание своим, как правило, немолодым и обременённым проблемами женщинам таким способом. Вместо шифера он покрыл крыши двух домиков стеклом, превратив их чердаки в теплицы. Выращенная весной рассада была каким-то образом реализована, и на полученные деньги был куплен в общее пользование телевизор. За это и был получен выговор.

Когда я с ним познакомился, Михаил Васильевич был таким же азартным и предприимчивым (категорически не для себя – для дела). Но масштабы были крупнее ботсадовских. Главное дело, которое он вёл, было создание комплекса Карельского филиала АН – от проектирования через реализацию строительства и до настройки работы институтов. Он глубоко вникал в дела на всех этапах. Архитектору Евгению Тимашкову передавались глубоко продуманные заявки. Добывались средства, фонды. Помню, как общался он с мастерами-художниками, выполнявшими майолику для фасада здания филиала. С каким уважением встречали его в Москве, в разных подразделениях Академии наук – в планово-финансовом отделе, управлении капитального строительства, управлении по кадрам и других. Сразу было видно, что в кабинеты входил человек, за плечами которого было большое живое дело, которого нельзя было запутать крючкотворством и аргументы которого были всегда убедительны. При этом Михаил Васильевич на первых порах этой работы занимал весьма скромную должность заместителя директора по административным вопросам Института языка, литературы и истории. Дело в том,

что штат карельского филиала ещё был скудным. И должности, соответствовавшей масштабу Михаила Васильевича, у президиума не было. Это уже потом М. В. Иванов стал заместителем председателя президиума.

Биостанция на Картеше была сначала двойного подчинения. В делах науки она подчинялась Зоологическому институту. В Ленинграде, на учёном совете этого старейшего академического учреждения утверждались научные темы и отчеты станции, проходили аттестации сотрудников. А вся хозяйственно-финансовая деятельность осуществлялась в том самом далёком от биологии Институте языка, литературы и истории карельского филиала, в Петрозаводске.

И происходила эта важная для станции хозяйственная жизнь под крылом Михаила Васильевича. Потому что он поверил страстным и рациональным планам В. В. Кузнецова и, побывав на Картеше, проникся любовью к этому месту. Он был уверен в большом будущем ББС и всячески этому способствовал. Как мне повезло, что первые свои шаги на Картеше я делал, будучи уверенным в мудрой поддержке этого человека.

А шаги эти были связаны с созданием, казалось бы, таких простых вещей, без которых нормальную жизнь станции трудно представить. Нужно было провести телефонную линию, линию электропередачи – всё это длиной около 20 км, а кроме того, надо было ремонтировать дома и причалы, приобретать тракторы и катера, ритмично завозить продукты и горючее. Михаил Васильевич выслушивал пожелания, больше похожие на мечты, и брал на себя “разработку темы”. И всегда с выдумкой-живинкой.

Время от времени появлялись на Картеше разного рода изыскатели и проектировщики. Особенно много их стало с началом навигации 1965 года. Михаил Васильевич прибыл тогда в сопровождении двух архитекторов – широко известного знатока деревянного зодчества Орфинского и проектировщика строящегося тогда здания карельского филиала Тимашкова.

С этого дня закрутилось фантастическое и головокружительное действо. Почтенные архитекторы и опытный строитель красочно расписали мне картину будущего ББС, каким оно им представилось. По берегам бухты в соответствии с неровностями рельефа стоят многоэтажные здания для лабораторий и жилья, как теперь говорят, повышенной комфортности. Максимально учитывается приполярное и удалённое от больших населённых пунктов положение Картеша – между домами закрытые застекленные переходы, они же оранжереи. На крыше одного из корпусов – телевизионная башня, на крыше другого – вертолётная площадка. Современный океанарий, морской причал. Все строения вписываются в лес – между домами на эскизах изображены раскидистые сосны.

Прошло несколько месяцев. Авторитет и увлечённость Михаила Васильевича этой идеей сделали своё дело. Были выделены большие деньги на проект. По принятому всеми административно-хозяйственными управлениями мнению, у Академии наук на пятилетку было два престижных проекта – высокогорная астрономическая обсерватория на Кавказе для академика Амбарцумяна и наша ББС “Картеш”. Во многих кабинетах больших начальников появились рулоны голубой кальки с контурами зданий на беломорских скалах. Такое изображение сказочного голубого города одно время висело на стене в кабинете вице-президента Академии наук лауреата Нобелевской премии Николая Николаевича Семёнова.

Потом в мою голову стали закрадываться сомнения... Я все ближе становился к реалиям места и времени. Большой гордостью деревянной маленькой ББС было то, что она прекрасно вписывалась в сохранённый на красивых скалах лес. Этому служили идущие от домика к домику мостки, конечно же, деревянные. И первое, что мне стало понятным, это то, что стройка большого масштаба своей техникой и скоплением строителей полностью истребит наш лес. Потом я задумался: а как и откуда будут доставляться строительные материалы, и какого они будут качества? То, что видел в жизни даже у станций железной дороги, оптимизма не прибавляло.

Наконец, важнейший вопрос: кто будет всё это строить? К тому времени я уже представлял возможный контингент будущих строителей. К этому имело прямое отношение географическое положение Картеша и Чупы, ближайшей железнодорожной станции – чуть южнее Полярного круга. Любой уважающий себя строитель уезжал на север в Мурманскую область, где его труд по закону оценивался выше. Ниже Полярного круга требования к качеству работы строителя были ниже. Фактически не менее половины строительных рабочих были здесь бичами, людьми много пьющими, не держащими слово, случайно задержавшимися в этих краях.

Одним словом, я убедился в нереальности большого плана и решил дальше не обманывать ни себя, ни других. Тогда родилась у меня поговорка: слишком сильной струёй кислорода можно сбить пламя. А приемлемое для меня развитие дела я тоже представил в виде пламени. Но пламени костра, огонёк которого от одной спички надо холить и лелеять при помощи берёстки и подкладывать полешки под успех горения предыдущих. И избави вас Бог от попыток разжечь спичками вагон сырого леса – переведете массу их коробок, обожжёте пальцы, но своего не добьётесь.

Должен сказать, что Михаил Васильевич, правда, без особой радости, признал мое желание отработать назад в делах великих строек и стал помогать хоть и маломасштабному, но реальному строительству. За давностью времени могу не скрывать наши проступки.

Первым делом мы оформили бульдозериста Зигурда старшим лаборантом и, снабдив его мощной машиной, отправили на трассу, спроектированную по большому проекту. За одно лето была создана дорога такого свойства, которое нас вполне устраивало. По этой дороге свободно перемещались с грузами и пассажирами наши асы-трактористы и водители вездеходов, но не мог добраться на своих обычных легковушках никто по пьяни или браконьерства ради. Так это к удовлетворению картешан и имеет место быть сейчас.

Затем купили за 800 рублей колхозную пилораму. Установили её на мощном фундаменте в лощине напротив причала. Моряки “Онеги” под капитанством Э. Д. Стельмаха собирали на берегах плавник, унесённые реками в результате вопиющей бесхозяйственности бревна, доставляли их кошелем (иногда до двух вагонов за раз) в бухту и корабельной лебёдкой по проложенной ими рельсовой дороге поднимали наверх, к пилораме. Пилорамой виртуозно управлял тоже оформленный старшим лаборантом Анатолий Александрович Балов. Пилорама давала нужный хозяйству строительный брус (обычно 15х15 см). За то, что я не приходовал упущенные государством брёвна и не платил государству за это благодеяние, я получил первый выговор.

Отказавшись от большого капитального строительства, мы тем самым потеряли право на проведение малого. Во-первых, пятилетка уже была свёрстана, а во-вторых, для этого потребовалось бы представить такое же количество документов, как и для проектирования и строительства нашего Голубого города. С этим явлением несоответствия объёма нужных бумаг масштабу деяния я уже сталкивался – для того, чтобы по всем правилам оформить документ для провоза в поезде своего фокстерьера, я должен был получить у ветеринаров точно такое же разрешение, как для доставки на мясокомбинат полного состава с овцами или свиньями!

В одном случае мы преодолели эту трудность покупкой на закрывшемся лесозаводе нового восьмиквартирного дома. Его разобрали на месте строительства и собрали на ББС. Сборно-разборный товар – это вам не запрещенное капитальное строительство. Так появился на Картеше жилой дом, известный сейчас под названием Бастилия.

Другой случай был сложнее и ответственнее. В селе Керети мы купили по цене дров очень старое здание школы. Перевезли на Картеш, попилили и действительно пустили на дрова. И получили средства на капитальный ремонт этого уже не существовавшего довольно большого дома. А вместо восста-

новления здания школы, которое уже было сожжено, мы стали строить новое здание из свежего, напыленного на собственной пиленоме бруса. Так появился наш лабораторный корпус, сохранивший от керетской школы только длину и ширину. Дом мы подняли на высокий цоколь, ставший первым этажом строения. В этом первом этаже были созданы изотермические комнаты, о которых нужно рассказать особо.

По моему глубокому убеждению, не может быть биологической станции, и не только морской, без комнат, в которых может долго и точно поддерживаться заданная температура. Обязательное условие каждого эксперимента — изучать то или иное воздействие “при прочих равных”. А как выдержать это условие, если температура в обычном помещении меняется в зависимости от времени дня, сезона и погоды?

Особенность Белого моря — его температурная двуслойность, особенно выраженная летом. В июле поверхность воды часто нагревается до 20–25 °С. А глубже 25–30 м температура воды всегда отрицательная — около –1,5 °С. Представьте, что вам нужно понаблюдать за поведением обитающего на глубине животного. Планктонная сеть или трал быстро пронесут его через тёплый слой воды. А дальше что — смотреть за ним при комнатной температуре? Вас это устраивает? Животное это устраивает?

Единственное условие длительных наблюдений за поведением, размножением и развитием, воздействием различных факторов, таких как солёность, питание, влияние врагов, — работа при постоянной температуре, обычно соответствующей природной на данной глубине или в данный сезон.

Как мы страдали, не имея возможности выполнять эти условия. До появления на Картеше электричества, а позже и изотермических комнат, широко использовались их несовершенные заменители — подвальные подполья щитовых домов защищались от перепадов температуры цоколем, засыпанным опилками. Сколько часов провели в них в полусогнутом положении над кристаллизаторами со своей живностью Олег Иванченко, Эдуард Кулаковский, Виктор Богданов и многие другие!

Вот почему возникла идея использовать первый этаж лабораторного корпуса в первую очередь для устройства специальных комнат с регулируемой температурой. Но согласитесь, это ведь сложные инженерные сооружения, к которым не знаешь, с какой стороны и подступиться.

Как-то на Картеш приехал, прослышав про нашу мечту, ленинградский инженер-холодильщик Григорий Лейбович (впоследствии мы шутили, что мы с ним фонетические однофамильцы). Осмотрев всё на месте и изучив сделанные мною на миллиметровке намётки, Григорий сделал мне предложение: “Вы добываете холодильные машины и нагреватели, даёте мне две тысячи рублей и через месяц получаете температурные комнаты на ходу”. Нагреватели у нас уже были освоены — от ленинградских трамваев. Холодильные машины Михаил Васильевич, используя свои возможности, добыл быстро. Но как достать две тысячи наличными? Законных путей — никаких! Неужели ничего нельзя сделать?

В отчаянии еду в Ленинград. Без особых надежд рассказываю всё начальнику отдела кадров Зоологического института Викторине Павловне Шаровой. И Викторина Павловна тихо спрашивает: “А не мог бы этот Ваш Григорий месяца на два добыть штук десять трудовых книжек пенсионеров?”

Звоню Грише и он, молодец, привозит мне трудовые книжки и паспорта — сплошь звонкие еврейские ФИО, почти всем за 70, и почти все — бывшие кассирши Дома ленинградской торговли — ДЛТ. Что там делала Викторина Павловна дальше — не знаю, но через какое-то время она вручила мне требуемую наличность. Как и обещал Гриша, мы получили нужные камеры. Это было в тот год, когда жарким августом вышел из строя единственный холодильник ленинградского крематория, и пятиmillionный город не мог достойно проститься со своими дорогими покойниками.

Если бы не смелость Викторины Павловны, прошедшей всю войну в составе страшного СМЕРШа, Картеш, наверное, и сейчас не имел бы девять изотермических комнат, фактически и делающих его лучшей морской экспериментальной базой страны.

Об этом я говорил коллегам на Волковом кладбище, прощаясь с замечательным человеком В. П. Шаровой.

И сейчас, спустя четверть века, вы можете зайти в любую из девяти комнат, включить зимой нагреватель, летом – холодильный агрегат, установить на приборе нужную температуру и дальше работать со своим живьём без боязни услышать упрёк в нарушении температурных условий опыта.

Как тут не вспомнить имена картешан, вложивших свой труд в лабораторный корпус и его изотермические камеры: Анатолия Петровича Некрасова, сделавшего плотные двери с мощными, специальнойковки, затворами, Александра Васильевича Рыбакова, добывавшего в нужном количестве вагонку и другие материалы, Виктора Катаева и Юру Курзикову, которые запустили так долго работающие механизмы.

Строители

М. В. Иванов жил постоянно в Петрозаводске и осуществлял общее руководство нашим хозяйством. А конкретным помощником по хозяйству был Александр Васильевич Рыбаков, который жил в поселке Чупа. Круг его обязанностей был чрезвычайно разнообразным: встретить-проводить сотрудников; получить-отправить разнообразные грузы; руководить автомашинами, тракторами, катерами; бесперебойно снабжать столовую продуктами, а технику горючим; постоянно добывать то самое, без чего именно сейчас никак не обойтись. Раз в месяц Александр Васильевич появлялся на Картеше со стареньким фибровым чемоданчиком, в котором доставлялись “полевые” – денежная компенсация за экспедиционный режим.

Особый талант Рыбакова заключался в умении подбирать рабочих и управлять ими. Эта была сложная задача. В Чупе и её округе хорошо зарабатывали горняки рудоуправления и рыбаки. Некоторые из них прочно укоренились в Чупе, некоторые отъезжали севернее, за Полярный круг, где заработки были побольше.

Появляются на Картеше два деда-пенсионера – Александр и Матвей, оба в прошлом колхозники. Сейчас крепко стоят на ногах – живут в собственных домах с детьми и внуками. Решили у нас подработать. Подрядились собрать, подвести под крышу и поставить две печи в закупленном нами рубленном и разобранным доме. Оплата аккордная – полностью по завершении дела. Работают не торопясь, добротню. Встают рано, ложатся поздно – как положено. Погода, как в конце июля, – солнечная, тёплая, сухая, – только вкалывай.

И вдруг деды приходят с настоятельным требованием отправить их на две недели в Чупу. Зачем? Оказывается, сенокос начинается. Сенокос в Чупе – это значит обкашивать былинки вокруг валунов. Только успевай точить косу после налёта её на камни и камушки.

– Деды, а много ли скота-то у вас?

– Да по козе имеется.

– А не кажется ли вам, что вы у нас за неделю заработаете столько, что потом козу год можно будет хлебом кормить? А вы на две недели сматываетесь!

По глазам вижу, что эти мои прикидки их совсем не трогают: “Вот ведь городской, ни хрена не понимает – ведь страда идет! Страда! Кровь из носу – косить надо!”

И деды уехали на две недели. Потом вернулись. И дом достроили.

А ещё поставляло нам рабочие кадры пёстрое и нескучное племя бичей. Ой, нескучное! Каждый из них личность, одна на другую непохожая. Много было среди них мастеров на все руки, обладателей свидетельств о присужденных разрядах – иногда до пяти штук на бича. Почти все они бегали от алиментов и были изгнаны с места предыдущей работы за пьянку (по этой же причине они покидали и нас).

Встречались они обычно группами и чаще всего у питейных заведений. Отношения с ними складывались в зависимости от сезона. Покладистыми они становились с первыми морозами, когда крыша над голой для этих перекасти-поле становилась первой необходимостью. Без особого надрыва, но и без особого сопротивления выполняли они зимой текущую работу в Чупе и на Картеше, обитая в тёплом общежитии при трёхразовом питании и еженедельной баньке. А весной, как выразался А. В. Рыбаков, “бич наглел”. Их начинал тяготить режим, появлялись работодатели с соблазнительными предложениями кочевой и более оплачиваемой работы – в геологических экспедициях, по прокладке линий электропередач и пр.

Осенью появился на Картеше человек, который обратил на себя внимание правильной речью, умением подгонять по себе и носить с изяществом любую одежду, вплоть до ватника. Много читал, с другими бичами держал дистанцию. Всё порученное выполнял с некоторым достоинством, неторопливо, но как следует. После майских праздников Иван Федан, так его звали, пришёл ко мне прощаться:

– Спасибо, что на зиму приютили. Но больше я не могу – чужой я среди вас. Надо в свой мир возвращаться.

И рассказал о себе:

– Сидел я по мокрому делу, 15 лет. Вызвали несколько человек добровольцев расчищать место после ядерной аварии на Урале. Обещали, если выживем, отпустить. На воле мы с дружкой долго гудели, я даже на его сестре успел жениться. А потом потянуло в путь. По пьяному делу сошел в Чупе. Денег нет. А тут Рыбаков, который на станцию за грузом приехал, стал прелести Картеша описывать. Так я у вас на зиму и оказался. А теперь план мой простой. Сажусь в мурманский поезд, очищаю какого-нибудь фраера. В Мурманске пару дней гуляю всюю. Потом опять сажусь в поезд до Москвы. В дороге граблю, но уже чтобы попасться. А потом к себе, домой, в тюрюгу. Там я человек. Всё у меня там есть – выпивка, наркотики, женщины. Все меня уважают. А тут мне всё кажется, что я чужой.

Стою я на горе и смотрю на маленькую фигурку лыжника, удаляющуюся в сторону Чупы. Время от времени Федан останавливался и махал рукой. Так и ушёл в свой мир.

Очень тяжело шла у нас телефонизация. Сначала нужно было прорубить просеку. Первую бригаду, привезённую Рыбаковым, возглавлял человек, представившийся подполковником в отставке Жданкиным. По его словам, он построил все линии между военными объектами на Новой Земле. Может быть. Тем более, что на Новой Земле нет лесов. А у нас бригада Жданкина сразу же заблудилась вблизи Картеша – просека пошла дикими зигзагами, под разными углами. Пришлось мне каждое утро вооружаться компасом, заходить вперёд и поднимать над лесом ориентир – наполненный водородом оранжевый шар от аварийной радиоантенны “Профессора Месяцева”.

Из многих последующих “телефонистов” запомнился класс то ли пэтэушников, то ли первого курса техникума, пацаны лет пятнадцати. Дней десять они кормили комаров на дальнем мысу, не имея палаток и спальных мешков. Не срубили ни одного дерева – нечем было. Кашу черпали вставленными в расщеп палки ракушками. Когда мы привозили им хлеб, требовали водку и баб. После себя оставили загаженную поляну с изуродованными деревьями.

Один из первых звонков по линии, которую все-таки построили, был ужасным. Звонили с Лесозавода № 10. Им доставили из села Керети только что убитого аспиранта Лёню Криулина. Вчера вечером он был у меня, рассказывал, какой богатый материал собрал по питанию молодежи сёмги в реке Керети. Показал ящичек с уже упакованными пробами. Назавтра собирался домой в Петрозаводск. А перед отъездом решил съездить попрощаться с любимой рекой, на которой проработал три сезона. Нагнулся над водой. А пьяный браконьер решил, что он досматривает его сеть, на сёмгу поставленную. И ударил из куста дуплетом крупной дробью...

В первый год моего директорства электричество давал шестисильный дизельёк Ч-1, который наш “светило”, сосланный за тысячный километр от столиц власовец Василий Васильевич Кошелев запускал только вечером, для телевизора (подробнее о В. В. Кошелеве читайте рассказ В. Д. Федорова “Урод недоделанный”). Необходимые практически каждому биологу микроскопы и бинокюляры подсвечивались аккумуляторами.

Для экспериментальных исследований фактора солёности мы соорудили прибор криоскоп, который по точно замеренной температуре замерзания капельки раствора определял его осмотическое давление. Для работы прибора нужно было питать его электричеством и пропускать через него воду.

Вот действовавшая тогда лабораторная инструкция:

- запусти дизельгенератор;
- включи ручей – подними заслонку в плотине;
- пожарной помпой накачай воду в стоящий на горе чан для засолки рыбы;
- подай ток на клеммы замораживающего полупроводникового столика для микротомы;
- водолазным шлангом подай воду из чана для засолки рыбы на столик для охлаждения полупроводника.

Вот так приходилось выкручиваться, используя подручные средства.

Через некоторое время появились новые дизельгенераторы, последовательно 12-, 24- и даже 50-сильные. Двигатель запускался ровно в 9 часов утра, и его звук обозначал начало рабочего дня Станции. Замокчал он ровно в 17 часов. По пятницам электричество давалось до 11 часов вечера – так обеспечивалась непрерывность процесса проводки и заливки гистологических препаратов. Представляете, какой напряжённой работы требовали мы от своих электриков? Поэтому мечтали о большом электричестве, так нужном и для работ, и для быта.

Постройка линии электропередачи была делом более серьёзным, чем проведение телефонной линии. И просека должна быть пошире, и столбы намного выше. А бригады горе-строителей сменяли друг друга, как при телефонизации. Давно мы привыкли к многодневным простоям и ненадежности обещаний. Обычно по пути в Чупу или из Чупы мы завозили в лагерь рабочих, который располагался обычно у берега, заказанные ими продукты. В тот раз новый бригадир, очередной из найденных Рыбаковым, попросил меня в следующий четверг привезти хлеб к Лисьему мысу.

“Нет уж, – думаю про себя, – до Лисьего отсюда километра два. Конечно же, к четвергу вы отсюда и не сдвинетесь”. В четверг подхожу на своем катерке к тому месту, где был прошлый раз. Там никого нет. И нет привычных признаков лагеря – ободранных на бересту берёз, кострища с банками и бутылками вокруг. Потом только обнаружил место костра, тщательно прикрытое дерном. Такого ещё ни разу не бывало.

С другим настроением еду к мысу Лисьему. На звук мотора выходит бригадир, сдержанно благодарит за хлеб и определяет место следующей встречи. И на тот раз всё было опять так, как он сказал.

Потом к зиме, когда его бригада не выдержала рабочего ритма, наложившегося на неудобства зимы, Анатолий Александрович Балов возглавил бригаду уже из наших научных сотрудников и лаборантов, которые и завершили так нужную биостанции работу – на Картеш пришло электричество. А. А. Балов стал постоянным членом нашего коллектива. Мне кажется, он умел делать всё и делать хорошо. Как красиво работала под его руководством пилорама! И как всегда чисто было вокруг его рабочего места!

Много лет на Картеше круглогодично жил наш завхоз Николай Егорович Кемов. Неторопливый и немногословный, предельно аккуратный и щепетильный. Его называли лучшим материально ответственным лицом сначала карельского филиала, а потом и Зоологического института. На складе у него всегда

были небольшие заготовки самого разного свойства, которые так здорово выручали, когда в них появлялась внезапная нужда.

Прошёл всю войну, начиная с Финской кампании, которую начал даже чуть раньше других: “Приводят нас, новобранцев, в баню. А после бани выдают какую-то форму, какой мы раньше никогда не видели. Одеваемся, хохочем. Раздаётся команда строиться. Команда не по-русски — оказалось, что мы все здесь карелы. И дальше речь: «Воины Финской народно-освободительной армии! Наш руководитель, Отто Куусинен, ставит задачу...» Напомню — Отто Куусинен был членом Политбюро ЦК КПСС и при Хрущёве, и при Брежневле”.

С войны вернулся без ранений, но с навсегда подорванным здоровьем — последствия голодных и холодных недель, когда выходил из окружения. Женился на многодетной вдове, подняли детей. И умерли они с Ольгой Петровной с разницей в два дня.

Корабли

Как хорошо поступают англичане, распространяя из неживого только на корабли “одушевлённое” местоимение his. Ещё приходится признать, что продолжительность жизни кораблей короче человеческой. Дерево и металл оказываются менее устойчивыми к невзгодам, чем человеческая плоть.

Ветераном флота Беломорской биологической станции, её “движимостью” ещё до обретения стационара на мысе Картеш было судно шведской постройки “Профессор Месяцев”. Создавался корабль как зверобойная шхуна для ледовитых вод. Формой он был похож на знаменитого нансеновского “Фрама”: яйцевидные обводы дубового корпуса, большая осадка, пригодные для парусов мачты. При пустом трюме, который располагался ближе к носу (баку), нагрузка приходилась на кормовую часть, которая погружалась глубже. Отсюда и парадокс судна: при загрузке трюма его общая осадка уменьшалась — за счёт приподнимающейся кормы. Двигатель — дизель Юне-Мюнкель. Огромный диаметр цилиндра — 88 см — был причиной того, что при работе двигатель не гудел-тархтел, а довольно редко булькал, каждый бульк отвечал рабочей фазе поршня. По этому характерному звуку “Профессора Месяцева” узнавали за много миль. Но самым выдающимся у этого корабля был меняющийся шаг винта, — явление в 50-е годы настолько редкое, что изучать его приезжали военные судостроители. Управляемый шаг винта, меняющаяся крутизна прикрепления лопастей позволяли при одной и той же скорости движения вала менять усилие. Это очень важно для траления нежного биологического материала — можно было управлять натяжением троса при любой избранной скорости судна. Ни одно исследовательское судно страны не имело возможностей такого траления.

Корпус “Профессора Месяцева” был из прочнейшего дуба, который не всегда брали свёрла по металлу. В начале 60-х в туманную погоду в Северной Двине у Архангельска наш корабль столкнулся с огромным шведским лесовозом и своим дубовым носом вспорол его борт. Международный арбитраж установил одинаковую вину капитанов и определил объединить суммы, нужные для восстановления судов, и поделить их пополам. “Профессор Месяцев” не только восстановил свой нос (правда вместо дуба сосной), но и сдал государству внушительную сумму валютой. Этим команда очень гордилась, что однажды чуть не привело к большой беде.

С началом моей первой навигации в роли директора ББС я отправился на остров Средний, где тогда полнокровно жил и работал Лесозавод № 10. Нужно сказать, что у входа в Керетьскую губу узкий фарватер огибают опасное скалистое мелководье, поэтому входящие-выходящие суда здесь идут малым ходом, описывая дугу.

Сижу в своей каюте, замечаю, что бульканье двигателя стало реже – значит, подходим к фарватеру. Внезапно с грохотом по трапу скатывается радист Павел Иванович Величко: “Владислав Вильгельмович! Мы с Евгением Владимировичем такое учинили, такое учинили – капитана связали!”

Оказалось, капитан с матросом Дуровцом, оба, очевидно, под воздействием чего-то химического, решили идти на таран выходящего из губы загруженного французского лесовоза. Они хотели, чтобы “Профессор Месяцев” ещё раз заработал Родине так нужную ей всегда валюту. Их увольнение на следующий день было первым увольнением в моё директорство ББС.

Отлично служил науке наш “Профессор Месяцев” и тогда, когда по старости двигаться ему было противопоказано. Он вставал на несколько суток прямо на “декадной станции”, и с него с разных сторон опускались различные приборы и установки. Особенно много новых научных фактов – о вертикальных миграциях организмов толщи воды, о продуктивности фитопланктона – добыла тогда экспедиция московских гидробиологов во главе с Вадимом Дмитриевичем Фёдоровым. Знаменитый бард, ставший потом и знаменитым океанологом, Александр Городницкий на такой стоянке собрал материал для своей кандидатской диссертации – деревянный корпус корабля позволил ему замерить какие-то физические поля.

Удачным корабльком была “Онега”. В начале 1960-х Отдел морских экспедиционных работ Академии наук (ОМЭР), возглавляемый Иваном Дмитриевичем Папаниным, заказал в ГДР (для забывших – Германская Демократическая Республика) несколько маленьких исследовательских судёнышек на основе стального рыболовного бота – СТБ. Трюм был переоборудован под жильё для “научников”, на палубе между мачтами располагался вагончик-лаборатория. Двигатель – Буккау-Вольф, 80 л. с. Замечательной особенностью кораблика была возможность переключения двигателя с гребного вала на лебёдку. Вооружённая мощным тросом лебёдка позволяла малютке “Онеге” вставать на якорь на самых больших глубинах Белого моря, поднимать самые тяжёлые тралы и дночерпатель “Океан”, через блоки двигать на берегу огромные грузы.

Капитаном “Онеги” много лет был Эмиль Данилович Стельмах. До 1938 года он был курсантом-отличником и парторгом курса Высшего военно-морского училища им. Фрунзе. Грянули процессы над военными, по одному из них проходил и дядя Эмиля, командир из штаба Тихоокеанского флота. От дяди надо было отречься и во всем его заклеить. Эмиль на это не пошёл, за что был исключен из партии и из курсантов. Знакомый юрист сказал: “Не знаю, что в стране происходит, но кажется мне, что тебе не стоит биться за правду – сам тоже пропадёшь. Лучше поезжай куда подальше на север и начинай новую незаметную жизнь”. Так Эмиль Данилович оказался сначала в Кандалакше, а потом в Чупе. Ходил на маленьких судах, но быть незаметным просто не мог. Всегда и везде выделялся особым трудолюбием, желанием решать сложные задачи, требующие особой смекалки и большого напряжения. Его знали все в округе, и он участвовал во многих событиях.

Он был в отряде лыжников, нашедших в горах Кандалакши разбившийся дирижабль В-6, и на себе вынес одного из спасшихся авиаторов. Во время войны в Чупинскую губу прилетел из Финляндии (до неё здесь близко) немецкий истребитель, сделал несколько заходов и поджёг буксир Стельмаха. Огонь подбирался к стоящим на палубе бочкам с бензином, что грозило взрывом. А палубная команда – сплошь пожилые финки. Одна из них мне рассказывала, как Эмиль Данилович брал на грудь 200-килограммовые бочки и одну за другой сбрасывал за борт. Сам же потом удивлялся тому, что в обычном состоянии мог едва оторвать такую бочку от палубы.

Каждый раз, когда на “Онеге” на выходе из Кандалакшского залива мы проходили одинокие камни Дристяного баклыша, Стельмах стопорил машину и давал гудок в память погибшего здесь судна, выжившего в 1941-м из Кандалакши 600 детей. Капитана того судна предупредили, что здесь поставлены

мины, но к началу войны все так привыкли к учениям с условными обозначениями, что он пошёл прямо на мины...

Когда теперь я изредка попадаю на Картеш, я иногда прокручиваю в голове, что здесь сделано именно благодаря Стельмаху. Мало кто, прожив на Картеше сезон или два, осознаёт, что устье Кривозёрского ручья – это довольно обширное илистое болото. Над этим болотом по замыслу и под руководством Стельмаха на ряжах построен сухой настил. По построенным Эмилием Даниловичем “железным дорогам” поднимались брёвна для пиlorамы и строений.

Удивительное у меня было в эти годы ощущение – уверенности, что мои пожелания не просто поймут, но реализуют самым лучшим образом.

И еще – Э. Д. Стельмах был знатоком природы. Например, приезжает на очень короткое время специалист, которому до нарезки нужны морские ежи, животные в Белом море не очень частые. Как всегда – короткая летучка. И оказывается у капитана “Онеги” есть на примете такое местечко, где морских ежей всегда достать можно. И не только ежей. В разгар лета иногда до пяти раз в день отходила от причала “Онега”, чтобы добыть из глубин какую-нибудь конкретную живность.

До чего удобны именно для биологических станций маленькие подвижные судёнышки вроде “Онеги”. Она мне напоминала первое моё судно – мотобот “Профессор Дерюгин”, который доставил нас, первокурсников, на Мурманскую биостанцию в Дальние Зеленцы (тогда директором там был В. В. Кузнецов), а потом часто брал нас на ближние драгировки. В последующие годы Мурманский морской биологический институт, выросший на базе биостанции, стал приобретать крупные суда, которые ходили по многим морям, но местные драгировки для них были недоступны. Поэтому, когда ОМЭР (Отдел морских экспедиционных работ АН) решил, что флот Картеша слишком велик (с чем трудно было спорить), и нужно расстаться с одним из судов, я решил “подарить” родным Дальним Зеленцам “Ладугу”, корабль того же типа, что моя любимица “Онега”.

Тогдашний директор Мурманского морского биологического института, мой однокурсник Иван Токин, долго размышлял, какой такой ход конём против него замышляется. Представить себе, что за этим не кроется ничего коварного, кроме желания облегчить научные дела, он просто не мог. От подарка отказался, и по-прежнему десятилетиями океанические корабли ММБИ уходили на просторы далёких морей (с заходами в иностранные порты), но не было возможности оперативно добывать живность для опытов в соседних губах.

У нас же действовало железное “правило 300” – не заказывать научных судов водоизмещением выше 300 тонн и мощностью двигателя больше 300 л. с. Дело в том, что суда большего тоннажа и большей мощности ставились на особый учёт как военнообязанные. О том, чем они занимаются и где находятся, нужно было ежедневно сообщать в Москву. Любой отход от родного причала должен был сопровождаться особым приказом и именоваться рейсом с соответствующим рейсовым заданием. Попробуй тут раз пять в сутки послать судно на драгировку или за планктоном, или за плавником для хозяйственных дел.

Судном с большими возможностями, но не подпадающим под жестокий регламент ОМЭРа оказался сейнер астраханской постройки РС-300 (цифра 300 соответствует тоннажу и водоизмещению), которому в силу его якобы малых размеров и мощности удалось пробить аполитичное, но дорогое нам имя “Картеш”.

История его появления на свет такова. Когда “Профессор Месяцев” одряхлел и ходил только по губе Чупа и к тому же нелегально, не пройдя в силу изношенности корпуса и механизмов морского регистра, встал вопрос о его замене. Директору очень приглянулся польский проект поисково-спасательного катера ПСК-150, созданного для обнаружения и спасения терпящих бедствие в море. Три таких судёнышка использовались в качестве плавучих классов училищем Фрунзе и часто стояли на Неве око-

ло памятника Крузенштерну. Я уже представлял стоящего у нашего причала белого красавца, залы которого переоборудованы в просторные лаборатории и аудитории. И не замечал, как мрачнеют моряки “Месяцева”, которым предстояло пересечь на новое судно.

Однажды они пригласили меня в каюту стармеха Евгения Владимировича Никифорова. Накормив тресковой ухой, приступили к обработке:

“А ваш тонкостенный красавец выдержит хотя бы пятибалльный шторм? А он сможет пробиться через льды, чтобы снять с Кемь-Луд школьников, как недавно нам пришлось? А он станет ли на якорь на большой глубине, протянет ли трал, соберёт ли плавник? Ему только гостей возить из Чупы в Чупу, да и то в хорошую погоду”.

И достают книжечку с силуэтами и описаниями советских корабликов водоизмещением до 300 тонн. С закладкой на странице с РС-300. Мореходность его такова, что он может перегоняться океанами аж на Дальний Восток, правда, только в караване. Возможности переоборудования трюмов под науку и дополнительное жильё. Мощная лебёдка со стрелой для самых серьёзных орудий лова. Свободное пространство на палубе для разборки материала и всевозможных других работ. Убедили! И вскоре мы уже летели вместе с Э. Е. Кулаковским и А. А. Касаткиным в Астрахань на закладку будущего “Картеша”.

Капитаном “Картеша” стал сын Эмилия Даниловича Ян, который приобрел опыт плавания на РС-300 на Дальнем Востоке, где суда этого типа использовались по прямому назначению – для лова иваси и сайры. Вот уже почти 30 лет как Ян и “Картеш” неразлучны на Белом море.

Новый флагман ББС “Профессор Кузнецов” мне не нравится – внешней красотой при неудобстве палубных работ он ближе к ПСК-150, чем к труженику “Картешу”. А вот последнее приобретение ББС оказалось очень удачным, особенно при современной дороговизне горючего. Маленький, маневренный, обрудованный современными навигационными приборами, всегда готовый к самым разнообразным работам “Беломор” славен своей командой, состоящей всего из двух человек. До последнего времени его капитаном был Павел Иванович Величко, работающий на судах ББС больше 50 лет, знаменитый фотолетописец станции, и Николай Александрович Рыбаков, сын моего первого помощника по хозяйству с 1960-х годов. Со школьных времен Коля всё время на флоте и всё время, за исключением службы в ВМС на Севере, – на ББС. А летом 2006 года на “Беломоре” проходил стажировку внук Эмилия Даниловича Стельмаха. Третье поколение!

Ну и как не вспомнить череду быстро стареющих от тяжелой работы МРБ (малый рыболовный бот), за штурвалом которых неизменно стоял безотказный, всеми уважаемый труженик Клаус Суннари.

Академик Николай Николаевич Семёнов

Дела ББС я принял в неудачное время – только что был свёрстан очередной пятилетний план Академии наук, а станция в пятилетке не была отражена. Деньгами Отделения общей биологии, куда всегда входил наш Зоологический институт, тогда ведала Секция химико-технологических и биологических наук, которую возглавлял академик Николай Николаевич Семёнов. Очень простое имя, отчество и фамилия, – а как много говорили они вместе! Создатель общей теории цепных химических реакций и теории процессов горения и взрыва, создатель и руководитель Института химической физики АН СССР, Лауреат Нобелевской премии, дважды Герой Социалистического труда, любимый ученик А. И. Иоффе, друг и соратник П. Л. Капицы.

И вот еду в Москву, чтобы попасть на приём к такому человеку. Долго ходил по коридорам длинного двухэтажного корпуса секции, который, как я потом узнал, носил в академических кругах название “семёновские конюшни”. Наконец робко сунулся в угловую дверь. В кабинете две представительные да-

мы, брюнетка и блондинка. Начинаю, переминаясь, представляться, что-то бормотать о Белом море, о биостанции, которую вы, наверное, и не знаете. Вдруг брюнетка оживает:

– Так вы с Картеша, с ББС, которую Кузнецов создавал? А я с Владимиром Васильевичем еще до войны в Дальних Зеленцах работала. Будем знакомы – я Антонина Александровна Буяновская. А это, – оборачиваясь к блондинке, – Лидия Григорьевна Щербиновская. Для нас наследник Владимира Васильевича – наш друг. Мы сейчас же устроим вам встречу с Николаем Николаевичем.

И вскоре вводят меня в просторный кабинет, где за письменным столом, не поднимая головы, разбирает бумаги суховатый немолодой человек с аккуратными усиками, хорошо знакомый мне по портретам. Не отрываясь от своих дел, коротко предлагает: “Рассказывайте”. Начинаю заученное:

– Белое море уникальный двуслойный водоём. Летом поверхностные воды сильно прогреваются, что даёт возможность обитать видам, общим с побережьем Франции...

Николай Николаевич прерывает:

– А ваш личный научный интерес?

– Мой личный научный интерес напрямую не связан с проблемами Белого моря.

И пытаюсь продолжать:

– А на глубинах Белого моря из-за суровых зим температура всегда, даже летом, отрицательная.

Академик резко:

– Ваш личный научный интерес? А что, может быть, у вас такового вовсе нет?

Приходится переключаться. Начинаю излагать свою гипотезу критической солёности. О том, что в градиенте солёности морской воды разные процессы меняются не линейно, а с перегибом соответствующих кривых в узком солёностном диапазоне около 5–8 ‰. Что если, учитывая сходство соотношений ионов морской воды и внутренней среды организмов (плазмы крови, лимфы), выражать концентрацию солей в этих биологических жидкостях в тех же единицах, что и в морской воде, то окажется, что резкие изменения свойств внутренней среды (а это уже физиология) тоже произойдут при 5–8 ‰.

Николай Николаевич предлагает пока помолчать, звонит несколько раз по телефону. В кабинете появляется человек пять-семь. Коротко поздоровавшись, рассаживаются. Вице-президент обращается ко мне:

– Начинайте рассказывать снова. Вот там доска и мел.

Потом мне сказали, что это получилось заседание Отделения общей химии, а мой доклад академикам занял 35 минут. “Ну что, – сказал Николай Николаевич, – кажется, деньги зря не пропадут. Принесите “пятилетку”.

Никогда бы не поверил, что пятилетний план Секции химико-технологических и биологических наук Академии имеет такой вид. В кабинет внесли толстенный альбом величиной чуть меньше стандартного кухонного столика. Страницы разграфлены от руки, все записи сделаны чернилами. Вице-президент нашел нужную страницу и что-то записал в нескольких графах. Позже я узнал, что ББС получила право на капитальное строительство (впоследствии я его сознательно свернул, о чём уже написал), а также на пятилетие за станцией определён средне-академический годовой рост в 8 ‰. Нужно сказать, что более высокий процент роста предполагался только за академическими институтами, решающими оборонные задачи. И ещё хотелось бы сказать об удивительном ощущении роста твоего дела и интереса к нему многих хороших людей. А может быть, это просто было ощущение молодости?

Улыбающийся Николай Николаевич сказал мне, чтобы, бывая в Москве, я непременно, заходил к нему. И у меня впоследствии было много незабываемых встреч с ним. Мы ходили в гости к очень известным людям. Запомнился чай у Обручевых. Гостеприимная хозяйка извиняется: “С утра в Вене бы-

ла лелётная погода. Так что, простите, пирожные у меня сегодня из Будапешта”. Как интересно, расставив картины по творческим периодам, показывала нам работы Фалька его вдова Ангелина Васильевна.

Во время одной из прогулок мы проходили мимо бассейна “Москва”, который был на месте взорванного храма Христа Спасителя. “А вот в этих сиренях, которые и раньше при храме были, Колька Семёнов ночевал, когда в 20-е приезжал в Москву”.

Я отдавал себе отчёт, что я привлёк внимание Николая Николаевича не особыми своими заслугами. Академик тогда красиво переживал свою последнюю любовь – вскоре он женился на Лидии Григорьевне Щербиновской – и я, очевидно, привлекал его в то время как человек, совсем не связанный с его прошлым, которое он покидал.

Нужно сказать, что Отделение общей биологии, которое тогда возглавлял директор Зоологического института академик Борис Евсеевич Быховский (мой прямой начальник), совершенно не пользовалось авторитетом у вице-президента Н. Н. Семёнова. Николай Николаевич был, безусловно, прогрессивным деятелем. А отделение Общей биологии существовало тогда, как сейчас сказали бы, на системе противовесов. В нем ещё действовал приснопамятный Т. Д. Лысенко со товарищи, с которыми даже разумным членам Отделения приходилось считаться. Николаю Николаевичу были куда ближе жившие истинными интересами общей биологии биохимики Энгельгардт и Парин, математик Ляпунов.

Было радостно видеть рядом с Николаем Николаевичем очень интересную и яркую личность – Александра Александровича Малиновского в качестве референта вице-президента по вопросам общей биологии. Трудно было найти для роли комментатора биологических дел страны более удачную кандидатуру. Первый раз он обоснованно выступил против Лысенко ещё в 1934 году. Всегда увлекающийся статистикой и корреляциями он заявил на погромной Мичуринской сессии ВАСХНИЛ 1948 года доклад с подробным анализом, сколько в каком лагере биологов было ушедших на фронт добровольцев, вообще фронтовиков, а также носителей боевых орденов. Данные были настолько убийственны для лысенковцев, что было принято решение вообще не упоминать имени Малиновского в материалах Пленума (а ведь менделисты-морганисты получали слово – это отмечено в протоколах). Александра Александровича отовсюду выгнали, и он долго жил без средств к существованию, пока его не пригласил к себе в одесский институт знаменитый окулист (лауреат Сталинской премии I степени) академик Филатов.

В Одессе меня и познакомили с Александром Александровичем молодые сотрудники биостанции после того, как ко мне присмотрелись. Я имел счастье несколько раз посещать знаменитые “четверги”. При первой встрече хозяин произнёс скороговоркой: “Мои друзья в Ленинграде Армен Леонович Тахтаджян, Раиса Львовна Берг и Коля Воронцов. Вас это устраивает?” – “Конечно!”

Среди участников этого семинара больше всего было, как это ни странно, аспирантов и младших научных сотрудников Института генетики им. Т. Д. Лысенко. Они приносили честно полученные на основе своих заданий результаты, и мы под руководством профессора-антилысенковца давали им научные толкования и обсуждали планы их будущих экспериментов.

Самыми интересными были занятия по тектологии, особенно решение задачек. Но сначала нужно сказать, что отец нашего учителя, тоже Александр Александрович Малиновский, был более известен под партийной кличкой “Богданов”. Это именно его ругательски поносил В. И. Ленин в “Материализме и эмпириокритицизме”. Наука тектология, или всеобщая организационная наука, была заложена А. А. Богдановым ещё в 1913 году. Она по праву считается предтечей кибернетики. На основании небольшого количества данных, пользуясь доступным ему языком, А. А. Богданов анализирует устройство атома, и вы понимаете, что речь идёт о модели Нильса Бора. Он разбирает редкие примеры шаровой молнии, и вы понимаете, что речь идёт о состоянии плазмы. Тектология могла быть и инструментом

прогноза. Так, признанная диаматом связь плюс-минус действительно означает развитие, но медленное, эволюционное. Бывает еще связь минус-минус, она означает регресс. А есть еще связь плюс-плюс, результатом которой будет революционный взрыв с быстрым прекращением связей – например, чем выше температура горения пороха, тем больше выделяется из него нужного для горения кислорода и тем быстрее всё выгорит. Прогноз – взрыв и прекращение связей.

В советское время, дав Ленину обещание не заниматься политикой, врач-биолог А. А. Богданов продолжал разрабатывать принципы тектологии и стал организатором системы учреждений переливания крови, создав в Ленинграде первый институт такого рода. Умер Александр Александрович в 1928 году после проведенного на себе очередного опыта по переливанию трупной крови (эта актуальная тема была оценена Государственной премией в перестроечное время).

А Александр Александрович-младший (Малиновский) явился одним из создателей серии сборников “Проблемы кибернетики”, которая сыграла важную роль в становлении у нас этой науки после её погрома философами-марксистами. Мне он говорил, что в своих статьях часто просто излагает современным языком идеи своего отца.

Одним словом, А. А. Малиновский остро чувствовал современные проблемы общей биологии и давал возможность Н. Н. Семёнову ориентироваться в них при определении политики секции.

Тогда слово “экология” было известно только узкому кругу специалистов-биологов. Но Николая Николаевича и тогда остро волновали проблемы глобальной экологии и особенно чистой воды. Как-то я попал в секцию, а там торжественное чаепитие. Чествуют скромную машинистку. Воспользовавшись тем, что Семёнов уехал в отпуск в Подмосковье, его заместитель академик Журавлёв, типичный технар, дал добро на удешевление байкальских производств путем сокращения очистных сооружений. Машинистка затянула перепечатку этих материалов и предупредила о них вице-президента. Он немедленно примчался в Москву.

Много раз прикрывал Н. Н. Семёнов нашу станцию от попыток Планово-финансового управления Академии лишить ББС статуса постоянно действующей экспедиции. Этот статус давал возможность левым довольствием компенсировать научным сотрудникам жизнь вдали от своих семей, а местным рабочим – чрезвычайно низкие по сравнению с другими учреждениями ставки. Кроме того, альтернативой статуса экспедиционной базы с её научным единоначалием оказывался режим обычного поселка с его хилым бюджетом поселкового совета, иерархической встроенностью в советскую власть и склочными комиссиями.

– Ну, как там у вас на Белом море? – спрашивает как-то Николай Николаевич.

– А я отвечу неформально. Вас миллионы в Москве живут как-то не так, а мы на Белом море – как нужно.

Николай Николаевич, задумавшись:

– Завидую. У вас управляемый хутор с конкретными делами, у меня почти неуправляемые институты.

Мои ровесники, прошедшие юные годы в коммуналках, не понимают стенаний по поводу ужасов “хрущёвок”. Вместе с ними впервые появились доступные отдельные квартиры. И помню гордость за страну в ту несущую надежды оттепель, когда во всех районах Ленинграда работали десятки и сотни строительных кранов. На один день приехал ко мне американец из Калифорнии Ральф Смес – коллега-специалист по многощетинковым червям и в прошлом фронтовик. Его первые слова: “Как хорошо, что вы так много строите! Конечно, качество похуже, чем у финнов, но всё равно хорошо!”

– Вы всё о делах, да о делах. А сами-то как живете? – спрашивает Николай Николаевич.

– В “распашонке” с родителями жены. Вечерами пишу на кухне, когда она освободится.

– Зайдите завтра ко мне после 12.

Назавтра захожу и получаю из рук Николая Николаевича распоряжение Президиума АН о выделении за счёт его фондов директору ББС В. В. Хлебовичу двухкомнатной квартиры в Ленинграде. На распоряжении – визы двух вице-президентов и начальников Планово-финансового отдела и Отдела кадров.

Мой директор Б. Е. Быховский около трёх лет не давал хода этому распоряжению. А для меня моё жильё – это и память о Николае Николаевиче Семёнове.

Адмирал Вадим Березовский

Разные и не очень солидные военные корабли заходили на Картеш и раньше, обычно для того, чтобы заправиться кривозёрской водой. Запомнились морские буксиры СБ-9 и СБ-15 постройки знаменитого Петровского завода, что располагался на Охте у Комаровского моста (сейчас там планируется небоскрёб “Газпрома”). Поговаривали, что эти мореходные, способные к длительному автономному плаванию, суда сильно досаждали потенциальному противнику, пристраиваясь к группе его кораблей и фиксируя все их действия.

Как-то тёмным осенним вечером, когда крепчал морозец, к причалу подошёл торпедный катерок. Морячки походили по территории, зашли в столовую, которая по вечерам служила нам клубом. И я понял, что для них, много дней живущих в железной тесноте, холоде и грохоте, нет ничего лучше как побыть в просторном, натопленном, тихом помещении.

Спали они на полу. Утром, когда мы пришли в столовую, катерка уже не было, зато на тёплой плите нас ожидала гора изумительных оладушек.

Часто в бухту заходили корабли-спасатели первого поколения – СС-40 и “Хибины”. С командирами мы были знакомы не один год. Как-то ко мне зашёл всклокоченный не совсем трезвый капитан:

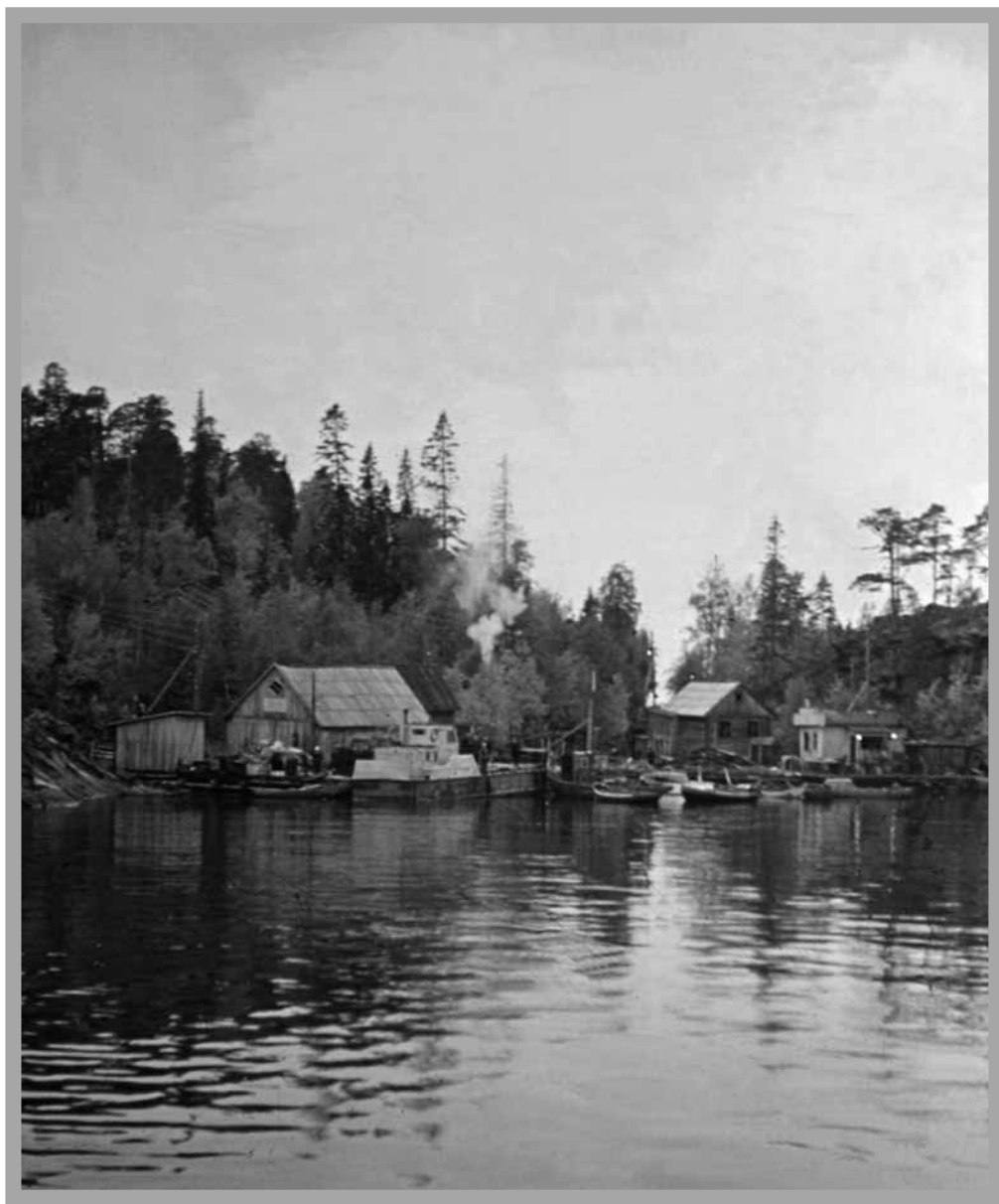
– По боевой частоте пришла шифровка, а мы её прочитать не смогли. Что делать?

Вывернулся замечательно. Ответил: “Приступил к исполнению”. А сам остался у причала. Дальше сверху пошли многократные запросы и уточнения. Из переговоров в конце концов стала ясна суть дела: в районе Кемь-луд отмечена плавучая мина (такое время от времени на Белом море случалось). Приказывалось: мину найти и расстрелять. Через некоторое время корабль отошёл от нашего причала и задание выполнил.

На одном из этих спасателей был замечательный подводный аппарат, предмет моей зависти – итальянская наблюдательная камера Галеаччи. Формой похожа на электролампочку. Верхняя расширенная часть этой “лампочки”, две трети сферы, имеет три ряда иллюминаторов и вмещает верхнюю часть сидящего на вращающемся сидении человека. Нижняя часть вмещает согнутые в коленях ноги и рычаг, который соединён с мощным грузом, прикреплённым внизу. Благодаря этому грузу аппарат имеет отрицательную плавучесть. Спускается камера на тросе, на глубину до 300 м. В случае аварии верхним рычагом можно освободиться от троса, а нижним – от груза. И всплытие обеспечено. Куда бы ты не повернулся на вращающемся сидении – всегда перед тобой работает вентилятор, отбирающий выдыхаемый воздух в трубу, и далее в коробку, где из углекислоты регенерируется кислород.

Меня спустили на глубину около 15 м, не предупредив, что подключили к мощнейшему динамику. Долго над бухтой неслись восторженные вопли биолога, наблюдавшего в тот раз удивительно изящные игры камбал.

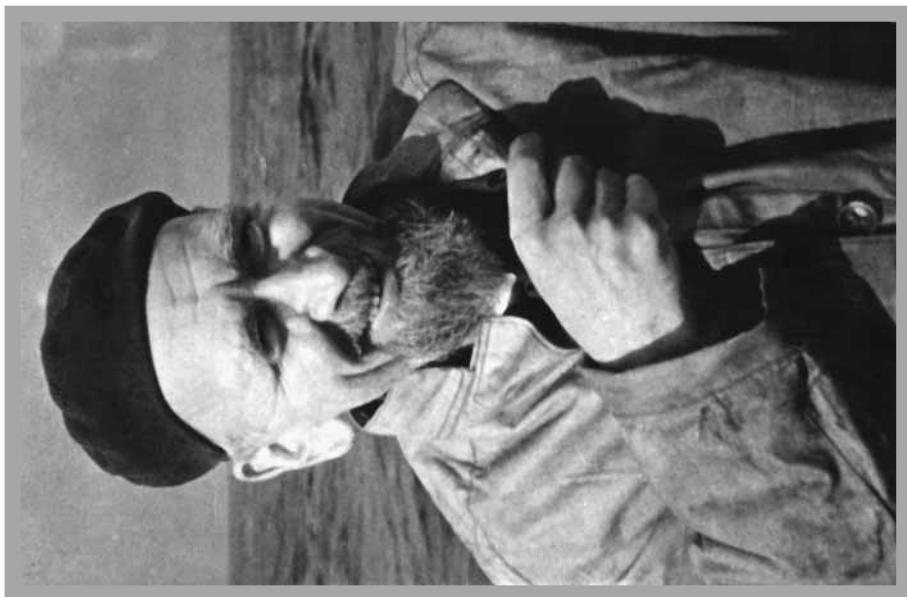
На гибель американской подводной лодки “Трешер” советский флот быстро прореагировал созданием нового поколения спасателей. Оперативности способствовало то, что в основу судов лёг хорошо освоенный советскими рыбаками корпус БМРТ (большой морозильный рыбный траулер). В акватории

Картеш – причал, склады, баня, электростанция. 1972 год. Фото В. С. Шувалова

*Основатель БЕС ЗИН В. В. Кузнецов.
Фото из архива Зоологического института РАН*

*Профессор П. В. Ушаков (ЗИН) – организатор Мурманской
биостанции в Дальних Зelenцах, учитель В. Хлебовича*

*Директор ББС МГУ Н. А. Перцев. Начало 70-х.
Фото из архива В. Хлебовича*

*В. В. Хлебович. Примерно 1970 год.
Фото из архива Л. П. Флячинской*

Э.Д. Стельмах, В.Д. Фёдоров и В.В. Хлебович. Начало 1970-х. Фото П.И. Величко

“Профессор Кузнецов” у причала в Кривозёрской губе. Фото из архива Л.П. Флячинской

Проводы Отто Кинне на Чупинском причале. Слева направо: Э.Д. Стельмах, О. Кинне, переводчица, В. В. Хлебович, Т. В. Хлебович, А. Н. Голиков, Л. Я. Штерман. 1970 год. Фото из архива В. В. Хлебовича

Пяти минутка на Картеше: В. В. Хлебович с Кларой, А. П. Некрасов с Альмой и Э. Д. Стельмах. Середина 1970-х. Фото П. И. Величко

Суда ББС "Ладога", "Картеш" и "Онега". Фото из архива Л. П. Флячинской

"Профессор Кузнецов" и малый рыболовный бот. Фото из архива Л. П. Флячинской

“Профессор Месяцев”. Фото В. С. Шувалова

МРБ К. В. Суннари выходит в Чуту. Фото П. И. Величко

*Адмирал Вадим Леонидович Березовский на руководстве стрельбами. Баренцево море. 1979 год
Фото из книги: В.Д. Березовский, 2002. По местам стоять к всплытию. Северодвинск*

Десятилетия водил МРБ К. В. Суннари. Фото из архива Л. П. Флячинской

В. В. Хлебович с Итой. 1969 год. Фото П. И. Величко

В. Д. Федоров ведёт МРБ "Джонатан Свифт". Конец 1960-х. Из архива В. В. Хлебовича

Лабораторный корпус ББС ЗИН. Середина 1970-х. Фото П. И. Величко

Вид на о. Средний. Таможня и погранпункт. Конец 1960-х. Фото П. И. Величко

Строительство "Бастилии". Фото из архива Л. П. Флячинской

"Бастилия". Фото из архива Л. П. Флячинской

П. В. Митрофанов, В. В. Хлебович и В. В. Бианки на Рязжове. 1960 год. Фото Н. Д. Митрофанова

Дом научных сотрудников на о. Рязжов. 1960 год. Фото Г. А. Штейн

Опыт в холодильной камере. Фото из архива Л. П. Флячинской

Промышленные установки для выращивания мидий, разработанные Э. Е. Кулаковским. Стоят в проливе между о. Феттах и мысом Картеш. 1990-е годы. Фото из архива Л. П. Флячинской

Картеи зимой. Конец 1950-х. Фото П. И. Величко

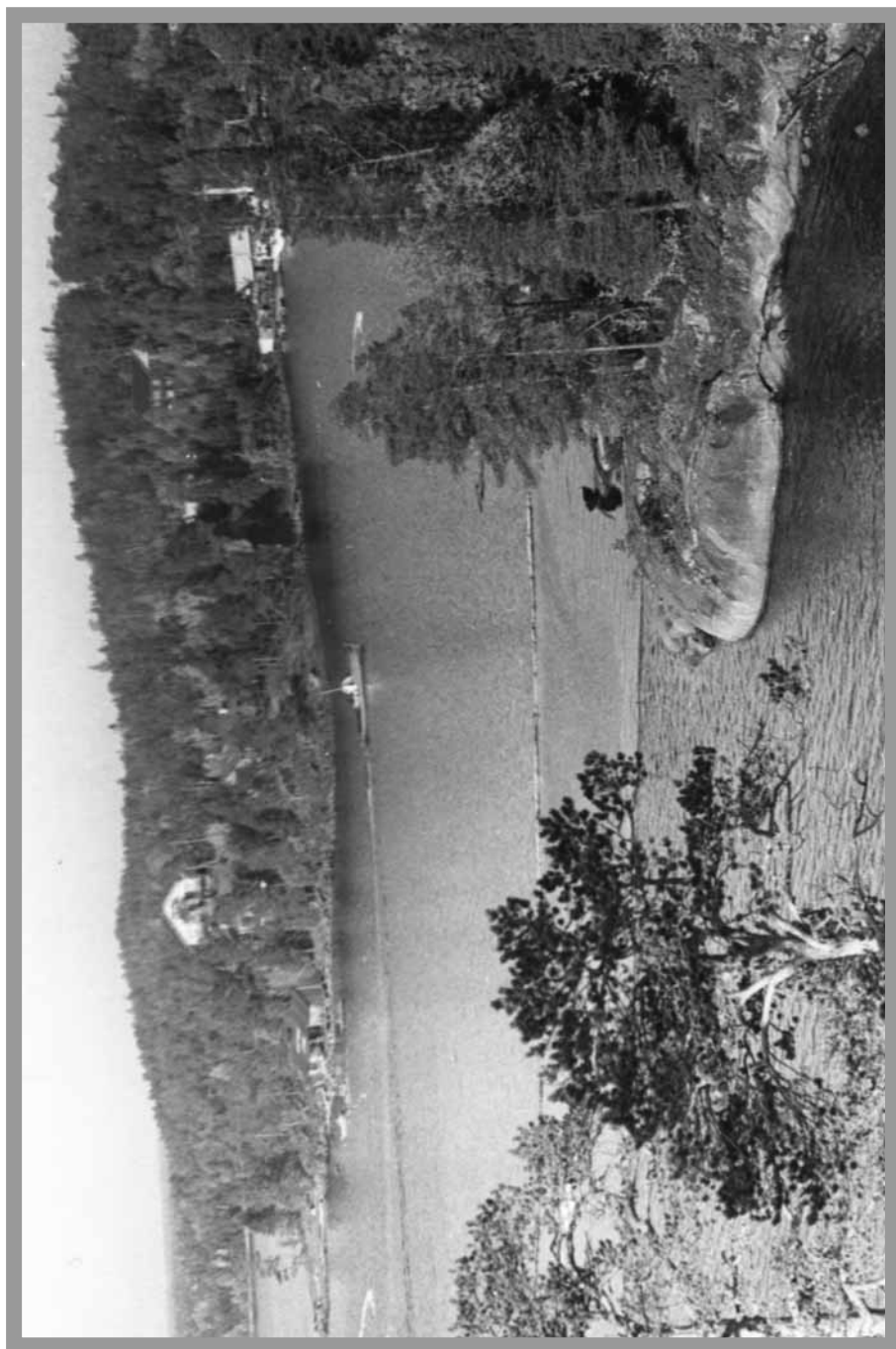
Выгрузка вагонки на причал БЭС. А. А. Балов. Фото П. И. Величко

В. В. Хлебович и ворон Клара. Середина 1970-х. Фото Е. Лавровой

Дом в селе Керети. Конец 1960-х. Фото П. И. Величко

Вид Кривозерской губы. Середина 1970-х. Фото П. И. Величко

биостанция появилось такое судно – “Бештау”. Используя трос выброшенного подлодкой буя, спасатель мог опускать водолазный колокол к люку субмарины, присасываться к нему и раз за разом поднимать наверх по 12 человек. Поднятую партию сразу же для декомпрессии помещали в барокамеру, а колокол отправлялся за другой группой.

О глубине погружения колокола я, биолог, могу судить по биологическим данным. Известно, что водолазный колокол открыт снизу. И как-то моряки у меня спросили: какая птица могла вынырнуть у них в колоколе (скорее всего, это чистик) на глубине около 120 м?. Запомнили эту цифру? Это глубже, чем лежал в Баренцевом море многострадальный “Курск”. И это означает, что ещё в 60-е годы было всё для спасения подводного корабля – тогда не заваривали люки, лодки выбрасывали буи, были отличные водолазные колокола, работающие на соответствующих глубинах, кадры спасателей и специальные спасательные суда. Норвежцы, которых мы униженно просили помочь с “Курском”, в 60-е ничего этого не имели и не умели.

Появлению в Чупинском заливе мощных атомных лодок предшествовала суэта вспомогательных шварового цвета судов и судёнышек, результатом которой стала постановка в проливе между станцией и островом Кереть огромных бочек, таких, которые ставят на Неве перед вхождением к праздникам больших кораблей.

Первая подлодка поразила меня бесшумностью появления. Когда по заливу идут самые мелкие катерки или мотоботы, шум двигателей слышен за километры, и далеко расходятся “усы” растревоженной воды. А тут вдруг видишь совершенно беззвучное перемещение огромного сигарообразного чёрного тела с заглаженным буруном впереди кругого лба-носа и полностью погашенным волнением за высоко поднятым, как у самолёта, хвостом-рулём.

Лодки стали появляться регулярно и работали иногда по многу дней – опускались, поднимались. Их эволюции, судя по мегафону, отмечали надводные корабли. Было ясно, что рядом с нами организовался ответственный полигон. Это не могло не вызвать беспокойства о судьбе биостанции.

Дело в том, что за несколько лет до того я работал в составе комиссии Академии наук по подбору места для Мурманского морского биологического института взамен Дальних Зеленцов. Накануне Зеленцы посетил президент АН СССР М. В. Келдыш. Из-за непогоды очень долго нельзя было доставить президента и члена ЦК КПСС с дрейфующего эсминца на берег. Президент раздражался, перевозбуждённые сотрудники на берегу стали снимать стресс народным способом. Когда они встретились, разъярённый президент выразил пожелание раскатать Институт бульдозерами и построить совершенно новый в другом месте. Вот такое место мы и искали комиссией на случай, если глава Академии наук будет настаивать на своем решении.

Мудрый председатель комиссии начал нашу работу с посещения штаба Северного флота. Адмирал, начальник штаба СФ, сказал то, что запомнилось навсегда: “Что мы здесь с вами решим, так только и будет. И ЦК, и Правительство знают, и вы знайте – Северному Флоту противостоит две трети НАТО”.

Итак, могучее ядерное противостояние Северный флот – НАТО и судьба малюсенькой биостанции. Вещи абсолютно несравнимые. Стоит только какому-нибудь небольшому чину предложить начальству очистить от биологов берега, и вопрос будет решён за часы. Как? Сами понимаете, как.

Но биостанция сохранилась. Благодаря пониманию интеллигентных и широко мыслящих военных моряков.

В тот знойный июль пришедшая подлодка работала, судя по крикам динамиков и вздохов продувки, особенно напряжённо. Пользуясь занятостью основного объекта, один из кораблей сопровождения устроил “санитарный день” и слил мазутные, так называемые пайольные, воды за борт. Южный ветер нагнал эту грязь в бухту с нашими многолетними наблюдательными площадками и первыми экспери-

ментальными установками по выращиванию мидий. На подлодку ушёл наш катерок с моей запиской командиру соединения с просьбой, когда будет возможность, посетить биостанцию, чтобы поговорить.

Проходит день, второй, третий. На четвертый день посылаю в Чупу “Онегу” с поручением отправить мою длинную гневную телеграмму-жалобу на три адреса – штабу Северного флота, Президиуму Академии наук и директору Зоологического института академику Б. Е. Быховскому.

Сижу за столом, перебираю какие-то бумаги. Не замечаю, что звуки со стороны подлодки стихли. Заскрипели деревянные мостки под тяжестью многочисленных шагов, за окном замелькало белое (фуражки), чёрное (мундиры) и золотое (погоны). В мою небольшую комнатку-кабинет торжественно входит человек десять моряков. Старший контр-адмирал со звездой Героя Советского Союза представляется: Вадим Леонидович Березовский.

– Прошу прощения, что не мог прибыть раньше – работы, сами видели, очень много было. Догадываюсь, на какой разговор звали. Всё понимаю и сочувствую вашей деятельности. Моя жена до последнего времени преподавала в школе биологию, так что кое-что про экологию я слышал.

Этот полигон флот не покинет – замены ему нет. А вот организовать нашу работу так, чтобы вам вреда не было, это давайте сейчас и обсудим.

И флот в лице командира Беломорской базы В. Л. Березовского обещал: против существования биостанции не восставать, дизельные (они же и самые грязные) корабли сопровождения держать не ближе таких-то мысов и их экипажи на берег не спускать.

Имея кое-какой опыт общения с флотом, я засомневался: “Вас так часто меняют, что наша договорённость долго не продержится”. – “А Вы попробуйте поверить на этот раз”, – отвечал адмирал. Я поверил и не обманулся.

Много лет потом командиры пришедших на полигон подлодок передавали приветы от Вадима Леонидовича и энергично подтверждали пункты обязательства. А ведь всё могло сложиться совсем иначе.

А с Вадимом у нас завязалась настоящая дружба, которой сейчас больше 35 лет! Нам очень интересно друг с другом. Он – человек самой боевой профессии – командир подводных носителей ядерных бомб. Я в силу своей биологической деятельности принадлежу к самой мирной профессии. И когда мы, обсуждая какой-нибудь вопрос, приходим к общим выводам, мы особенно чувствуем и широту проблемы, и нашу правоту.

Многому можно было у Вадима учиться. Например, общению с подчинёнными. Застолье после ночной рыбалки (любимый её вид – ужение форели). Оживленный разговор, воспоминания, анекдоты. Вдруг тихо вадимово: “Официально”. И все замолчали, внимая начальнику. Затем также кратко: “Официально отбой”. И застолье продолжилось.

Помню, что в эти геронтократические брежневские годы я иногда мечтал, чтобы власть в стране перешла к моим “чёрным полковникам” – морякам-подводникам – интеллектуалам, умницам с гибкой и устойчивой нервной системой, опытом командования и заботы о подчинённых. Такие тогда тщательно отбирались. Тут блатняк не проходил.

Когда великий зелёный деятель А. В. Яблоков на страницах газет обвинил нас с А. Ф. Алимовым, работавших в комиссии по выяснению причин массовой гибели морских звезд в Белом море, в сговоре с военными моряками, я в отношении себя спорить не стал – был сговор, давнишний, спасший ББС. А гражданственности у контр-адмирала Березовского не меньше, чем у члена-корреспондента Яблокова.

Служба у подводников – не синекюра. Поэтому и возрастные ограничения строги. В 50 лет Вадим покинул рубку подлодки и стал командиром базы в Гремие. В 60 оставил Северный флот и стал начальником серьёзного объекта в Эстонии. Прибыв на место, он первым делом попросил найти ему хорошего учителя эстонского языка, что было, прямо скажем, нетипично и стало известным всей округе.

Объект располагался в сосновом лесу. Вадим с Риммой Егоровной жили в уютном двухэтажном доме. Когда республика обрела самостоятельность, эстонцы предложили Березовским остаться с ними и считать этот дом своим. Адмирал спросил: “Вы же обещали обеспечить жильём ещё нескольких моряков, сможете ли это сделать?” И когда услышал, что конечно, не смогут, он уехал в Северодвинск, на родину своих подлодок.

Там он живет и сейчас, парализованный, с обезноженной Риммой Егоровной. Недавно вышла его книжка “По местам стоять к всплывтию!” (Северодвинск, 2003) – история его жизни на фоне истории подводного ядерного флота некогда великой державы. Это увлекательное и познавательное, безусловно, литературное произведение напечатано на машинке одним пальцем. Только что я получил от него его вторую книгу “Адмирал дает “добро” (2005).

Кстати, Героя Советского Союза В. Л. Березовский получил за реальные боевые события в океане, потребовавшие ответственных и решительных действий.

Лесничий Дарчо Карапетяни

Близость полигона подводных лодок постоянно поддерживала чувство тревоги за судьбу биостанции. А ну как что-нибудь изменится. И добрые отношения с адмиралами уже не будут прикрытием.

Пришло в голову официально закрепить за ББС землю, на которой она уже больше десяти лет располагалась. Раньше я сознательно этого не делал. Казалось, что закрепление земли будет первым шагом превращения экспедиционной базы в обычный посёлок с его обилием разнообразных административных, не всегда полезных воздействий. Но теперь, похоже, пришло время бороться за землю.

Узнал, что в Москве процедура землеотвода может занять не один год, в Петрозаводске – не менее года. А ситуация припекает.

И вдруг на Картеш на катерке прибывает чупинский лесничий Дарчо Петрович Карапетяни. Раньше мы были знакомы только шапочно. А тут он приехал специально, услышав про мои хлопоты.

– А ведь у меня есть право землеотвода за неделю. Земли, правда, я могу выделить не больше трех гектаров.

Нам то больше и не надо! В тот же час карандашом отметили территорию на карте. Потом, взяв топор, чтобы затесывать деревья, обозначили отведенную землю на местности. Карапетяни уехал. Через неделю биостанция официально получила от государства занимаемый ею участок.

Не уверен, что именно это спасло станцию от возможного выселения с Картеша. Но свою роль, как потом я слышал, это сыграло.

Как тут не рассказать историю обретенного друга. Его отец, секретарь Горийского райкома Грузии (Гори – родина Сталина), идейный и суровый большевик, умер, когда Дарчо было 16 лет. Перед летними каникулами семью навестил дядя:

– Ты, Дарчо, теперь единственный в семье мужчина и кормилец. Я тебя на каникулы устраиваю приемщиком цитрусовых.

Парнишка отработал сезон. Расплатился сполна с поставщиками. И обнаружил целый вагон лишних фруктов – экономия возникла честным путем от плановых потерь на усушку-утруску. Далее наш приёмщик поступил нетипично – он сдал государству этот вагон, получил за него около 550 тысяч рублей и отправился с мешком денег в столицу республики Тбилиси. Сначала пришел в ЦК комсомола – там сперва не поверили, потом предложили денежки поделить. В другом месте обозвали дураком и хотели

мешок отнять. В конце дня сдал ценности в Министерство финансов, получил квитанцию и даже деньги на дорогу домой. А дома ждал дядя:

– У тебя, по моим расчетам, должно быть 500–550 тысяч. Так 150 тысяч – мои.

А Дарчо ему – квитанцию от Минфина.

– Ай-я-яй! Что ты наделал! Завтра начальники за своей долей приедут. Не жить тебе теперь здесь! И действительно, школу пришлось заканчивать в другом районе.

После окончания школы послал документы в институт субтропических культур в Сухуми. Долго не было ответа. Приехал в институт сам. Принимает профессор:

– Плати две тысячи и считай себя студентом.

– Нет таких денег. Выучись, тогда только буду зарабатывать.

– А раз нет денег, учишь где-нибудь в другом месте.

И 17-летний грузин, посмотрев на карту, выбрал самый северный университетский город Союза – Петрозаводск. Через пять лет, став специалистом по лесу, попросился лесничим в самый северный район Карелии – Лоухский. В Грузию он ездил, только чтобы повидаться с мамой.

Южанин влюбился в северный лес, знал и изучал его. Однажды, погрузив в рюкзак годовалого сынишку Тенгиза, он отправился на дальний участок, где 80 лет назад купцом Савиным был вырублен сосновый лес. Хотелось узнать, что за это время там изменилось. Рюкзачок с сынишкой пристроил под берёзой, взял рулетку и пошёл считать-замерять деревья. Отошёл довольно далеко. Стал возвращаться.

И вдруг увидел под берёзой огромного медведя. Со спины было видно, что зверь совершает ритмичные движения головой вперёд-назад. Доедает ребёнка?!

Можно представить себе, с каким криком бросился вперёд отец. Медведь, ломая с треском сучья, бежал. А Тенгизка, человеческий детёныш, лежал облизанный, очевидно, бездетной медведицей.

В человеческих отношениях в Дарчо продолжалась сложившаяся в юности чистота. В те годы в Лоухском районе велось строительство дорог и линий электропередач. Срубленный при этом лес вывозился на юг. Поэтому в районе “шустрили” лесозаготовители из солнечных, но безлесных регионов. Они знали, что у лесничего было право выделять порубочные участки, допустим, в целях оздоровления леса. И едва ли не ежедневно его осаждали. Один разговор происходил при мне:

– Давай быстро оформляй документ, и вот тебе пять тысяч. Ни за какие деньги на это не пойдёшь? Ну и зря – я потеряю три дня, а документы получу, а ты этих денег не получишь.

Через три дня молдованин снова появился в Чупе с документом, подписанным тогдашним председателем Совета министров Карелии: лесничему Карапетяни – к исполнению.

Профессор Отто Кинне

В советские годы визиту глав западных государств всегда предшествовал представительный десант деятелей науки и культуры. Правда, заранее официально об этом не объявлялось. Так вот, перед приездом канцлера ФРГ Вилли Брандта гостем Зоологического института был замечательный морской биолог профессор Отто Кинне, создатель международного журнала *Marine Biology* и серии монографий под тем же названием.

С Отто Кинне я познакомился ещё в 1966 году в Москве на Международном океанографическом конгрессе. Семён Милейковский организовал тогда неофициальный семинар по вопросам биологии личинок морских организмов. Наша небольшая группа, постоянным членом которой был Кинне, заняв какую-нибудь свободную аудиторию (конгресс проходил в МГУ) и максимально используя доску с мелом,

с увлечением обсуждала волнующие вопросы. Помню, как О. Кинне и Е. П. Турпаева спорили о том, что такое акклимация. Для меня это стало исходным моментом будущих многолетних исследований этого явления.

В Зоологическом институте Отто Кинне сделал доклад о работах известной своими достижениями морской биостанции на Гельголанде. Мы узнали, что этот маленький островок, который к тому же постоянно разрушается морем, оказывается в административном отношении самостоятельной землёй, имеющей такие же права, как, например, Бавария. Среди слайдов жизни острова и биостанции мелькнул один с изображением флага Гельголанда.

После доклада Кинне выразил желание побывать на Картеше. Разрешение разных инстанций было быстро получено (вспомним о цели десанта немецких учёных), и я выехал на ББС, чтобы подготовиться к приезду уважаемого гостя. Вроде бы сделали всё необходимое – кругом чистота и порядок. Но всё кажется, что чего-то не хватает. А из Чупы позвонили: “Онега” с гостем на борту уже вышла – значит, часа через полтора прибудет. Рассуждаю сам с собой: “Обычно в таких торжественных случаях вывешивают государственные флаги. Флаг ФРГ – сложный, кажется, ещё и с орлом, но самое главное – вроде бы ещё недружественной страны. Может крепко попасть, ой крепко. Да... А есть ещё флаг Гельголанда, такой игрушечной земли. За такой не попадётся. Кажется, он из трёх горизонтальных полос. А вот каких цветов и в какой последовательности эти полосы?”

Раздумывая, неспеша иду по мосткам. Окликает Юлик Лабас: “Чем озабочен?” Объясняю. Юлик опускает голову, тоже задумывается и вдруг начинает то ли напевать, то ли декламировать:

Grün ist das Land,
rot ist die Kant',
weiß ist der Sand,
das sind die Farben von Helgoland...

Значит, зелёный – красный – белый. Наши женщины, что-то распоров, шьют трёхцветный флаг. И когда сошедший на нашу землю гость подходил к столовой, которая тогда была и кают-компанией, и конференц-залом, на флагштоках развевались два флага – флаг Советского Союза и земли Гельголанд. Над дверью в столовую висел свиток из рулона бумаги для самописца ЭП-9, на котором своеобразным почерком Лабаса был начертан полный текст гимна Гельголанда.

Отто Кинне сказал, что не каждый гельголадец знает эти слова и попросил подарить ему свиток. Позже из Германии он писал, что рассказывая в разных аудиториях о своей поездке в нашу страну, он всегда показывал этот рулон бумаги с далёкого Белого моря.

Замечательной была наша поездка в Лапутию, резиденцию В. Д. Фёдорова. После баньки по-чёрному у кострища пели песни. К месту была частушка:

С неба звездочка упала
Прямо к милому в штаны.
Пусть ему всё разорвало б,
Лишь бы не было войны.

Юлик Лабас успевал переводить синхронно...

Отто Кинне посетил все наши лаборатории и переговорил со многими нашими сотрудниками. Забегая на много лет вперёд, отмечу, что некоторые из моих учеников стали потом стипендиатами его имени.

Большую роль сыграл О. Кинне в моей судьбе.

Работая совершенно в одиночку, не принадлежа ни к какой школе, а только много читая и размышляя, я додумался до того, что процессы в градиенте солёности происходят не постепенно, а с резким переломом при переходе узкого солёностного диапазона 5–8 ‰. Это приложимо как к солёности мор-

ской воды, так и к солёности внутренней среды – крови, лимфы, гемолимфы. Имеется в виду сходство солевого состава сред организма с морской водой. А наилучшим практическим доказательством этого сходства можно считать использование во время Второй мировой войны медиками блокадного Ленинграда и вооружённых сил Англии разведённой до 9,5 ‰ морской воды в качестве кровезаменителя. Мои статьи о единстве внутренней и внешней солёности и о переломе происходящих в этих средах процессов при переходе через солёность 5–8 ‰ давно были сданы в центральные союзные журналы, где лежали без движения. Встречаюсь с академиком Л. А. Зенкевичем.

– Лев Александрович, в чём дело?

– А дело в том, что всё это слишком неожиданно. До такого даже сам Кинне не додумался.

На Картеше показываю Кинне свои результаты – графики, схемы.

– А где про это можно прочитать?

– Нигде.

– Почему?

– Потому что до этого сам Кинне не додумался.

Весёлый смех. И предложение:

– Присылайте статьи мне.

Посылаю в Гамбург первую статью. Через две недели получаю её корректуру – результат тяжёлой работы над моим неуклюжим английским текстом редактора Кинне. Подписанную посылаю назад. И ещё через две недели выходит статья в журнале *Marine Biology*. Следом такой же путь проходит и вторая статья. Оппозиция растаяла незаметно и бесшумно, как сахар в стакане горячего чая. Признание пришло как-то до обидного просто, как будто работам и не предшествовали напряжённые размышления и эксперименты. Так Отто Кинне пробил мне окно в Европу и дальше – в мир. И не только мне одному.

Во время острых противостояний военных блоков в конце 50-х Кинне попытался скрыться в Америке – очень уж в Европе стала знакомо накаляться обстановка. Америка представлялась не только спокойной, но и справедливой. Когда селился в небогатой гостинице, на вопрос хозяина – не возражает ли он, если соседом по этажу будет негр, отвечал – конечно же нет. На следующий день обнаружил, что белых на этаже, кроме него, нет, а все белые с других этажей с ним не здороваются. Подумал, что в Германии сейчас расизма нет. И сразу же вернулся домой. И вскоре стал не только крупным учёным, но и ярким организатором науки – создателем институтов, журналов, серийных изданий. Морским биологом номер один.

Парижанки

Дважды по просьбе Ирины Евгеньевны Быховской-Павловской мы принимали на Картеше Антонину Михайловну Гелен. Ленинградская студентка в конце 20-х вышла замуж за французского журналиста и стала парижанкой. Приезжала она к нам в качестве сотрудницы знаменитого Пастеровского института и исследовала бактерий и их врагов в прибрежных водах Белого моря.

До чего же интересны были её рассказы. Оказывается, 30-е годы в медицине Франции были годами обскурантизма – обыватели под воздействием некоего крыла журналистов стали отказываться от прививок. Перелом наступил после того, как была обнародована телеграмма Ворошилова, благодарившего Институт Пастера за то, что применённая по их прописи сыворотка привела к тому, что в боях с японцами под Халхин-Голом Красная армия не потеряла от столбняка ни одного бойца и ни одной лошади. Текст этой телеграммы сейчас висит в вестибюле Института Пастера.

Картешане узнали, что великий Пастер был и большим художником. Вот ведь загадка! Принято считать, что одно полушарие мозга у нас преимущественно эмоциональное, а другое рациональное. Но ведь известно, что у Пастера одно полушарие отключилось на пике его творческой активности. Казалось бы, великие открытия Пастера, так прочно связанные с практическими внедрениями – природа брожения, “пастеризация”, прививки сывороток, – должны быть результатом рационально мыслящей части мозга. Но Пастер-художник, очевидно, “работал” эмоциональным полушарием.

У меня предположение – любая научная работа, даже ориентированная предельно рационалистично, “делается” эмоциональным полушарием головного мозга. И как не вспомнить утверждение С. П. Королёва: “Без эмоций, без страсти не может быть науки”.

Вторая парижанка, бывшая на Картеше, мадам де Пютторак, супруга всемирно известного (одноимённого) специалиста по инфузориям, навсегда запомнилась мне сочным эпизодом. Вывез я эту пару на своём катерке на большой остров Сидоров. Пустил погостить, постоянно за ними следя. И вдруг мадам внезапно исчезла из глаз. Бегаю кругами, обнаружил её стоящей на коленях. Со счастливым выражением лица, которое у неё, я думаю, бывало изредка в парижских бутиках, когда удавалось найти что-нибудь выдающееся, она складывала в сумочку... какашки лося! И объяснила:

– Когда я их покрою лаком и сделаю из них ожерелье, а потом объясню, что это такое, – какой фу-рор это произведёт среди подруг!

Вот такие у нас связи с Парижем.

И из моего дневника того времени: “Приснился Париж, и надо сказать, очень не понравился”. До сих пор я считаю Париж скорее объектом веры – а вдруг его вообще нет.

Наверное, это потому, что я долго считался невыездным. Отец был реабилитирован посмертно (сдел в “нетипичное время” – доцент пединститута присоединился к студентам, протестовавшим против вторжения наших танков в восставшую Венгрию в 1956 году). Три мои начальника по институту, независимо друг от друга, уже после реабилитации отца открыли мне формулировку в моём досье “возможно, обижен”. Какие уж тут Парижи!

1968 год

Это был год особенно интенсивной научной и околонушной активности на Картеше. Пришедшая за мной, поверившая в меня молодёжь делала первые яркие шаги. Старший, Эдуард Кулаковский, говоривший, что он никогда не изменит проблемам физиологии ракообразных, как то спросил: “Так что, мне уходить, или подчинить свою нейросекрецию вашим адаптациям?” – “Уходить”, – отвечал я, понимая, что Эдуард уже полностью увяз в проблемах адаптаций и Белого моря. Блестящие работы Эдуарда по общим вопросам адаптаций и по марикультуре мидий, самому прикладному направлению беломорского хозяйствования, сейчас широко известны.

Сложнее было с другим сотрудником первого набора – Олегом Иванченко. Защищал дипломную работу, как ученик Н. Г. Гербильского, по половому созреванию зубатки. А зубатка-то как раз у Картеша водится. И Олег категорически отказывается переходить на другой объект исследования – ведь рядом его родное. А другой объект, по складывающемуся моему мнению, – это беломорская сельдь. Самая массовая промысловая рыба Белого моря с разнообразием локальных форм, колебаниями столь важных для жителей многих поселений уловов и находящаяся в центре общих ихтиологических проблем.

И вот в декретный отпуск должна идти супруга и однокурсница Олега – Людмила тоже ихтиолог. Предлагаю ей тему, которую все считают предельно рискованной – условия жизни и первичное питание

вылупившейся из икры молоди сельди. Олег, естественно, начинает помогать супруге. И через несколько лет становится ярким специалистом по биологии ранних стадий сельдей.

На сложных самодельных установках, исследуя гребневиков, Юлик Лабас открыл серию исследований физиологии свечения. Получили первые результаты, превратившиеся потом в яркие работы, В. Бергер по моллюскам, В. Луканин по желудочно-кишечным и Г. Виноградов по ракообразным.

В тот год я впервые выехал за границу. Академик Е. М. Крепс организовал в рамках “научного туризма” поездку ленинградских ученых в Югославию для ознакомления с биологическими учреждениями. Мы были во всех республиках, кроме Боснии и Герцеговины, и поражались богатству магазинов и дешевизне товаров. Это был пик благополучия этого прекрасного края. Символом страны и времени оказался для меня эпизод, которому я тогда не придавал особого значения.

Путешествовали мы на одном и том же автобусе, водитель и переводчик встречали нас на вокзале и провожали там же. В последнюю ночь перед возвращением в Белград машина в пути серьёзно поломалась. Расстроенный переводчик пояснил нам, что мы можем позвонить в гостиницу, заказанную для нас, и оттуда вышлют другой автобус. Но, добавил он тихо, тогда он и водитель практически лишатся зарплаты за три недели. Все 28 русских “туристов” дружно решили ожидать конца ремонта автобуса и никому об аварии не рассказывать. Об этом узнали в ближайшем селении, огни которого были видны внизу. Сначала из деревни пришли мужчины и стали помогать шофёру. Позже перед каждым из нас появились детишки с кофе и свежей выпечкой на подносах. Ко мне подошли мальчик и девочка, по-нашему примерно класса второго-третьего. Когда я перекусил, началась увлекательная игра. “Зайц”, – говорит мальчик. “Заяц” – отвечаю я. “Слично!” – кричат дети. “Шума”, – говорит девочка, показывая на стену деревьев. “Лес” – говорю я. “Неслично!”

Спрашиваю: “вы брат и сестра?” – “Нет”, – отвечают, – “мы соседи, а в школе сидим за одной партой”. – “А как вас зовут?” – “Я – Ибрагим, а она – Ольга”.

Где они сейчас, Ольга и Ибрагим? Наверное, столько зла видели оба.

Во всех больших городах Югославии тогда, в июне 1968 года, на площадях развевались флаги Чехословакии – знак солидарности с происходящими там процессами. Но антирусских высказываний мы никогда не слышали, – танки в Прагу ещё не входили.

В августе, когда это произошло, оно оказалось для меня почти незаметным. На Картеше накопилось много текущих дел по науке и хозяйству. На биостанции тогда работало много народа, – особенно много было московских биофизиков. Вечерами в общежитиях и палатках долго не спали, слышны были возбуждённые голоса. Но мне, заматанному текущими делами, было не до участия в дискуссиях.

Потом осенью в военном госпитале Кандаляки, куда я попал на некоторое время, моим соседом по палате оказался молодой лейтенант, получивший в Чехословакии сначала одно ранение, а через несколько дней – второе. И я засомневался в гладкости освободительной миссии объединённых “социалистических” сил.

Осенью же в районе появился новый начальник КГБ и вскорости навестил БС. “Владислав Вильгельмович, – обратился он ко мне, – сами понимаете, среди вас есть наши сотрудники. Я должен с ними встретиться. Не выходите, пожалуйста, из кабинета часа полтора”. А нас-то всех было тогда около полусотни.

На следующий год начальник попросил принять на всё лето своего сынишку-школьника, который оказался понятливым и тщательным помощником у Юлика Лабаса. Отец тогда сказал, что он завидует научным работникам, потому что они часто могут получать удовлетворение от своей работы. На мой вопрос, случалось ли ему получать удовольствие от его работы, он рассказал историю:

– Стало нам известно, что муж жене ночью часто говорит, что он мечтает побывать на родине в Западной Украине, откуда сбежал пятнадцатилетним из бендеровского отряда, и что ему приходится жить под чужой фамилией. А я-то знаю, что за давностью времени он может быть прощён, и его желание можно исполнить. Сказал ему – сколько радости было! Вот вам и моё удовлетворение от работы.

А у меня долго в голове звучало: “Стало нам известно, что...”. Позже я услышал, что раньше этот симпатичный офицер в штатском был большим начальником в Новосибирске, и его откомандирование в самый северный район Карелии было наказанием за студенческие беспорядки в связи с чешскими событиями.

Соседи

Село Кереть

Старинное село, владельцами которого когда-то были новгородские Борецкие, которое уже к царствованию Ивана Грозного умело не только добывать, но и омолаживать жемчуга, которое столетиями держало санный путь на Колу и было четвёртым по величине портом Беломорья, я застал стремительно вымирающим. Сначала керетчан отвлекла построенная через Чупу железная дорога, потом в рудоправление потребовались рабочие руки добывать слюду и керамику. Хрущёвская блокада “бесперспективных деревень” на практике означала сначала безвозвратный уход учителей, а затем – многодетных молодых семей. Оставались одни старухи. Старики были выбиты или в войну, или раньше – сталинскими репрессиями. Из 83 хозяев, арестованных в 1937-м, после войны вернулся единственный – одноглазый дед Килеватов. Лихой рассказчик-импровизатор, он слыл знатоком старин, за которыми к нему приезжали фольклористы. Но о лагерных годах молчал.

Разваливающиеся старые дома были серыми от морской соли или бурыми от задубевшей смолы. И ни одной радующей глаз свежей жёлтой доски. Провалившиеся крыши, завалившиеся заборы, сгнившие некогда звонкие лежаки мостовых. На перекрёстках – покосившиеся кресты с истлевающими ручниками – знаки прежних молений. В немногих жилых домах на подоконниках можно было встретить невиданные цветы – очевидно, следы морских плаваний дореволюционных керетчан – комнатных чайных роз было не меньше трёх сортов.

Познавательным было общение с Александрой Яковлевной Савиной – дальней и небогатой родственницей хозяина ближайшего лесозавода. В её доме я поселил своих любимых тестя, тещу и полуторагодовалую дочку – на Картеше тогда было тесновато. В первый же день нам предложили получить на ферме свой литр молока из вечерней дойки, который по местному обычаю должен был получать каждый живущий в деревне ребёнок. Каждый день Александра Яковлевна готовила треску из бочки, что в подвале, с душком. И рассказывала, как она мучается в мясоед. И каждый раз мечтает, когда можно опять вернуться к “тресоцке”. От неё я узнал, как керетчане называют обычную в этих местах орхидею “Венерин башмачок”. Вы не поверите – “Федосьины лапти”. Может быть, раньше Венеру Федосьей звали?

На стене фотография младшекласниц, девочек-близняшек в общем гробике. И тихий, как бы бесстрастный голос Александры Яковлевны:

– Девочки на лесозавод собрались за тетрадками и карандашами. А лёд ещё слабый был, они и провалились. Правда, их Архипыч в окно видел, но спастись не побежал. У него валенки новые были.

Так что с духовностью и совестью у нас и раньше не у всех было в порядке.

Лесозавод – остров Средний

Лесозавод № 10, что на острове Среднем, основанный купцом 2-й гильдии Савиным, был для нас тем же, что город для хуторянина. Днём и ночью шваркали рамные пилы, разделявая на доски привозимый из всё более далёких мест кругляк. Штабеля жёлтых, как швейцарские сыры, досок окружали посёлок, постепенно высыхая до строгих кондиций, которым должен был соответствовать вывозимый за границу материал. Энергию для цехов и жизни посёлка исправно давал старый, дымящий высокой железной трубой паровой локомотив. В посёлке жило более 800 человек, было четыре магазина, столовая, своя пекарня, почта, школа и больница на 15 коек. Дважды в сутки приходил из Чупы пассажирский катер. Их было два – “Навага” и “Горняк”. У причала обычно стояло под загрузкой два-три судна. Среди них сначала преобладали иностранные, которые к концу 1960-х стали вытесняться отечественным лесовозным флотом. На высокой горе под зелёной железной крышей в добротном рубленом доме размещалась таможня. Был и свой пограничный пункт – порт ведь.

Однажды в порту был переполох – немецкий капитан лихо провёл своё судно по Узкой Салме и оказался “в тылу”, пришвартовавшись без обычного досмотра на рейде.

А потом наверху было принято решение закрыть лесозавод – потому что почти за век его работы вырубали кругом леса. Директор лесозавода стал председателем ликвидационной комиссии. Как стервятники, стали слетаться на Средний окружающие учреждения и, как теперь говорят, физические лица. Здорово поживились имуществом лесозавода и картешане – съездив в Москву, я получил разрешение на вывоз того дома, который теперь известен как “Бастилия”. Каждый раз, когда требовалось, допустим, оконное стекло, двери, рамы, болты, гвозди или подшипник № 306, мы снаряжали на лесозавод судно и, как правило, находили в брошенном посёлке нужное.

У меня выработался совет молодым людям – никогда не изучать толстые монографии целиком, а обращаться к ним за чем-нибудь конкретным, когда нужда возникнет. Как у наших хозяйственников к лесозаводу.

Когда уже лесозаводцы почти все разъехались, большое судно доставило на остров огромный ноенький чешский дизель взамен старичка локомобиля. Вот так работало плановое хозяйство.

Вскоре после закрытия Лесозавода № 10 (1969 год) остров Средний совершенно обезлюдел. Как это часто бывает у покинутого жилья, кругом бурно проявилась природа. На удобренной за десятилетия земле густо разрослись малинники. Между домами шныряли зайцы. Из печных труб свечками взмывали утки-гоголи.

Написал письмо на родной биологический факультет ЛГУ с предложением подумать о создании собственной учебной и научной базы на Белом море неподалеку от ББС ЗИН. Помню, что играл на самолюбии: “А вот у москвичей есть своя станция и даже для физиков”. Прибывшая 27 августа 1970 года комиссия в составе Б. Р. Васильева, А. К. Дондуа и В. Г. Шевченко на нашем судне “Онега” объехала окрестности в поисках подходящего места для новой станции. Обсуждались: Левин-Наволок как место, удобное для проведения линии электропередачи, но слишком близкое к посёлку Чкаловский; Сон-Остров как очень красивое и удобное для биологов место в силу разнообразия биотопов, но слишком удалённое от путей сообщения. Остановились на острове Среднем в связи с наличием заброшенных домов Лесозавода № 10 и близостью к дружественной ББС ЗИН с её возможностью помощи новой станции во время становления, прежде всего транспортом. Тогда же были осознаны и те трудности, которые сохраняются и сейчас – отсутствие сухопутной связи и сложности подвода к острову линии электропередачи.

И наконец, Средний стал осваиваться ленинградцами с некоторой примесью казанцев. Организационные начала здесь складывались иначе, чем на московской ББС и на Картеше. Там была жёсткая централизация и единоначалие, которые так необходимы в режиме экспедиционной базы. Средний же осваивали

независимые лаборатории или кафедры, старавшиеся захватить жильё получше и желательно подальше от центра, рассчитывающие на всё своё – вплоть до собственного флота. Раздробленные феодалы вступали друг с другом в сложные взаимодействия и не всегда признавали выделенного факультетом директора.

Однажды на остров приехал министр внутренних дел Карелии – мы с ним были знакомы по студенческим военным сборам. И он, предвидя будущие сложности неминуемой центрбежности жизни молодой станции, попросил меня тихо посоветовать университетскому руководству выжечь дальние одноэтажные дома (на это милиция закроет глаза) и сконцентрироваться на освоении стоящих рядом больших строений.

Но раздробленность продолжалась. Хотя, возможно, именно эта раздробленность и разнообразие и позволили Морской биологической станции СПбГУ пережить невзгоды 1990-х годов и стать сейчас на путь развития.

Сейчас я вижу большую заинтересованность университета в процветании молодой и крайне необходимой ему морской станции. Безусловно, создание собственной Морской биологической станции резко расширило возможности биологической практики и вывело учебный процесс на биофаке СПбГУ на качественно новый уровень. Сейчас это очевидно всем. Ясно, что обязательная морская практика – неременное условие подготовки полноценных специалистов в области зоологии, ботаники, гидробиологии, эмбриологии.

ББС МГУ

ББС МГУ расположена севернее Картеша, в Кандалакшском заливе, в Ругозерской губе, что в проливе между островом Великий и Карельским берегом. Эта станция долго существовала в виде сараюшки-кубрика и пары лодок, пока на ней не появился удивительный человек – Николай Андреевич Перцов. У С. Э. Шноля в его книге “Гении и злодеи науки” (Москва, 2002) о Перцове есть замечательная глава. У меня же взгляд соседа – со стороны и немного ревниво.

Для биостанции особое значение имеет отлаженное хозяйство и техническое обеспечение работ. И Николай Андреевич страстно отдавался хозяйственным делам. Он умел абсолютно всё. И всё хотел делать сам. Стоять за штурвалом судна, двигать рычагами трактора, руководить всеми сторонами строительства – до сих пор стоят тёплые каркасно-засыпные дома, им спроектированные и им построенные. И лабораторный корпус с аквариальной, в основном, его творение.

Помню, приехал к нему обсудить совместные научные деяния. Посидели минут десять, вдруг Перцов вскакивает:

– Извините, там у дизельгенератора не совсем надёжный человек, надо его проверить.

Приходим на электростанцию. Там всё в порядке. У дизеля дежурит знакомый мне младший научный сотрудник. Возвращаемся в дом. Только начинаю говорить своё, Николай Андреевич опять вскакивает – надо проверить пилораму. Пришли туда – оказывается, что и пилорама работает нормально, там бригада квалифицированных лесопильщиков – все старшие лаборанты и младшие научные сотрудники. Весь научный штат при деле. Так было и в других местах, которые мы в тот день проверили. А о науке так и не поговорили. Пришлось возвращаться, позаимствовав так нужные нам тогда огнеупорные кирпичи и поэтому не очень уж потеряв день.

Правда через несколько лет сотрудники стали заниматься и наукой, и очень успешно – значит, не разучились. Это произошло тогда, когда станция получила замечательного научного руководителя – Константина Владимировича Беклемишева.

У меня образ Николая Андреевича Перцова как-то стал сливаться с образом другого фанатика труда – Николая Островского, когда тот строил узкоколейку. Нужно – значит сделаем! Образ, безусловно, вызывающий сочувствие и симпатии. Неудивительно, что на станцию летом стремились многие её пат-

риоты, чтобы всласть поработать в обстановке всеобщего энтузиазма. Но хотелось бы напомнить, что до руководства станцией у Николая Андреевича были замечательные научные публикации, например, классические – о питании гаги.

И до сих пор мне не понятно ещё одно. Почему так много должен был брать на себя человек, если за плечами у него были такие гиганты, как Московский университет и Институт океанологии Академии наук, вся мощь которых в делах морской биологии в то время была сконцентрирована в руках академика Л. А. Зенкевича, непосредственного руководителя Николая Андреевича? Загадка для историка.

Лапутия

Обстановка всеобщего непрерывного субботника привлекала летом на ББС МГУ преданных ей энтузиастов, но не могла устроить независимые или очень ценящие своё время характеры. Так образовались автономные научные высылки.

На мысу Кузокоцком вблизи рыбоприёмного пункта Подволочье два молодых тогда гидробиолога Вадим Фёдоров и Костя Кокин своими руками построили дом. Дом был из не очень толстого плавника (чтобы его было легче носить с берега), срублен “в лапу”, имел очень высокую крышу и при небольших размерах был трёхэтажным. Верхний этаж был меньше вагонного купе. Кругом на сухой песчаной почве сосновый лес, рядом колодец и со стороны Кузокоцкой губы небольшой причал. Под длинным навесом стол с лавками и место для костра.

Открытие этого “комплекса” было намечено на 5 августа 1964 года. В этот день много лет назад корабль с многострадальным Гулливером отправился в очередное плавание, завершившееся открытием Лапутии. Отсюда и название этого замечательного поселения, и дата ежегодного праздника, отмечаемого уже 40 раз.

К науке на Белом море Лапутия имеет прямое отношение. Широко известные исследования кафедры гидробиологии МГУ, касающиеся различных сторон функционирования планктонных сообществ, были задуманы, проведены или подготовлены к печати именно в этом маленьком, но удивительно вместительном, ни на что не похожем домике.

В Лапутии побывало много ярких людей – академиков, художников, поэтов. С большим удовольствием принимала в экзотической обстановке Лапутия и иностранных гостей Картеша. Особенно незабываемы были посиделки у костра с распевами.

Запомнился пляжный день на нагретых камнях вместе с Одумом-младшим. Гость из США всё удивлялся безлюдью, царившему на море – ни одного корабля. Нам самим было удивительно – ведь близко проходит трасса Кандалакша – Архангельск. Когда гостей привезли на Картеш, и они проследовали далее в Чупу, к причалу подошел военный катер, и офицер меня проинформировал – была радиограмма: “На Кузокоцком американцы. Радиопереговоры прекратить. Лодкам быть в подводном положении”. Наверное, это были такие учения. Вряд ли из-за нас произошел такой переполох.

Для многих Лапутия запомнилась как светское место интересных встреч. Но знаете, что большая часть научных и литературных произведений ныне заслуженного профессора МГУ Вадима Дмитриевича Фёдорова написана именно в Лапутии.

Игорь Васильевич Бурковский

Удивительные вещи происходят иногда, когда мы меняем сложившийся годами масштаб объекта или инструмента. Мы привыкли к тому, что космические корабли долго делались “под человека” и были поражены, когда на Марс были запущены миниатюрные с компактными приборами ракетки, которые оказались в сотни раз меньше и дешевле “традиционных”.

Об этом я думаю, когда вспоминаю хозяйство Игоря Васильевича Бурковского, теперь профессора МГУ, в старинном поморском селе Чёрная Речка. Много лет назад Игорь Васильевич был преданным последователем Н. А. Перцова. Но потом вынужден был основать “собственное дело”. Нужно было предельно эффективно организовать своё время на научный поиск – в Москве в нём нуждалась больная мать. Романтикой общественных работ пришлось пренебрегать. Игорь Васильевич как эколог изучал общие вопросы динамики экосистем. Экосистемы состоят из взаимодействующих популяций. А процессы в популяции во многом зависят от скорости размножения особей. Ясно, что для изучения в этом отношении сообщества леса потребуются десятилетия, луга – годы, сообществ мелких насекомых – месяцы. А Бурковский выбрал объектом своих исследований сообщество инфузорий на мягких грунтах эстуария речки Чёрной. Многие инфузории размножаются делением два-три раза в сутки. При таких свойствах особей, составляющих эту экосистему, можно получать данные о её динамике в сотни раз быстрее, чем работая с другими биоценозами. По существу, на небольшом пространстве очень быстро решаются вопросы, которыми занимаются большие коллективы на площадях в гектары и даже квадратные километры. Настоящая микробиостанция с периодом наблюдений уже около 40 лет!

Остров Ряжков

В тот год, когда я впервые попал на Белое море, мне было 25 лет, но я считал себя бывалым морским биологом. За моими плечами были две поездки на Мурманскую биологическую станцию, я обошёл и объехал вокруг всё Азовское море, собирал материал по беспозвоночным на многих побережьях Чёрного моря.

Но моя самая главная морская экспедиция была связана с Курильскими островами. Сначала мы работали на одном из самых северных – Парамушире, – собирали образцы рыб, беспозвоночных и водорослей. Потом за нами пришла зверобойная шхуна “Крылатка”, которую несколько лет подряд “Далькитзвертест” выделял для биологических исследований вокруг Курильской гряды. В задачу нашей экспедиции входило изучение органического мира мелководий, поэтому, кроме работ, выполняемых с борта тралом, дночерпателем и планктонными сетками, нам нужно было высаживаться почти на всех островах Курильской гряды, описывать лежища морских зверей и собирать разные образцы на берегу.

Домой в Ленинград вернулся я переполненным ярчайшими впечатлениями. В памяти вставали спуск в кратер вулкана Такетоми, который по рождению младше меня. Полет над моей головой огромного, в тонну, сивуча, после того, как я вздумал снизу из вельбота почесать веслом старика, заснувшего на краю скалы. Высадка на остров Расшуа, где поколение песцов, никогда не выдавшее людей, выслало навстречу делегацию молодёжи, с которой мы тут же устроили весёлые игры, опрокидывая уже довольно крупных щенков на спину и почесывая им брюшки. Ночной лов сетью на свет ртутной лампы, опущенной в море, когда в голубовато-оливковом, таинственно затухающем по краям объёме появлялись сначала облачка мелкого планктона, затем из глубины и с боков всплывали всевозможные более крупные ярко окрашенные рачки, медузы, гребневики, черви, переливающаяся перламутром молодь кальмаров, молнией пересекали освещённое пространство тёмные взрослые кальмары и серебристая сайра. “Чихающий” вулкан Матуа на острове того же названия, кипящее озеро на острове Парамушире. Столкновение приливной и отливной воды в проливах, когда поток вихря-сулоя тянул нашу “Крылатку” назад, хотя двигатель её изо всех своих 500 лошадиных сил добросовестно выполнял команду “полный вперёд!”. Центр тайфуна, когда море было таким, каким я его никогда не видел: ветер срывал макушки волн и гнал брызги, как позёмку. Больше всего такое море напоминало зимний буран в степи – всё вокруг было белым и тусклым. Тогда сорвало с оси вертушку анемометра.

И вот после всех этих впечатлений мы с моим старым товарищем Олегом Кусакиным, а уж он-то на Дальнем Востоке повидал и испытал ещё поболее моего (чего только стоят зимние сборы руками на обледенелой литорали регулярно каждый отлив, — а их часто четыре в сутки) получаем задание на работы на Белом море. Огорчению нашему не было предела.

Белое море... Да это крохотное пятнышко на карте, разве оно достойно внимания истинного морского волка! Здесь, наверное, не развернуться ни воде, ни ветру, ни моряку. А расстояния? Смех — поезд из Ленинграда идёт до Белого моря меньше 20 часов, вдвое меньше, чем до черноморских курортов. Тоже мне море.

С таким настроением вышли мы из вагона в Кандалакше и пошагали по её длинной Речной улице к управлению Кандалакшского заповедника. Тогда речная Кандалакша, раскинувшаяся вдоль бывшего русла Нивы (этой реке после строительства каскада гидростанций пробили новый выход в море), была сплошь из старых деревянных домов с деревянными подгнившими тротуарами. Унылость стандартных барачков, бурья, как бы обугленные бревна покосившихся поморских домов были подстать настроению. Даже встреча с нашим однокашником по университетским годам Виталием (теперь — Витальевичем) Бианки получилась какой-то сдержанной, как будто он был виновником нашей беломорской ссылки.

Шёл отлив. По положенным на гальку скользким брёвнам столкнули на воду тяжёлую лодку. Погрузились. Виталий сразу же завёл мотор (мы тогда ещё не знали, что минимум получасовое топтание педали входит в обязательный ритуал запуска этого механизма). Лодка вышла из бухты, которая раньше была устьем Нивы, повернула налево, то бишь на юг.

И с этой минуты я отсчитываю стаж своей любви к Белому морю. Прежде всего до нас дошло, что было уже полночь. А как светло! В уютной чаше, лежащей между синими горами Кольского берега, над которыми вставало огромное золотое солнце, и более пологим берегом Карельского побережья, в перламутровой воде отражались перламутровые облака. И везде были раскинуты многочисленные острова и островки. Каждый стоял как бы на фундаменте, многослойном и многоцветном. Нижний слой — оливково-зелёный пояс водорослей фукусов, выше — камни и скалы, мокрые от предыдущего прилива, ещё выше — те же камни и скалы, но уже сухие и поэтому светлые. На них ничего кроме пятен птичьего помёта и отполированного выбеленного морем плавника. Безжизненность этого пояса, как я узнал потом, связана с тем, что до его верхней границы доходит зимой истирающее действие могучего ледяного припая. Выше камни и скалы покрыты разнообразными лишайниками. А ещё выше начинается царство зелени. Острова заросли коренастыми, суковатыми от морского ветра соснами, их стволы при косых лучах солнца отливают медью. И ели — стройнее кипарисов, которых я видел на картинках. Сосна и ель к самому морю не подходят, впереди себя они пропустили берёзу. Вокруг таких островов кудрявый изумрудный берёзовый бордюр.

Некоторые острова безлесные, покрытые низким кустарником. Избави бог вас назвать их острова — это по-местному, по-поморски “луды”. А вот длинный островок только с двумя нижними поясами — фукусовым и верхним, гладким и мокрым. Через два-три часа его опять покроет очередной прилив. Это по-поморски корга. Представляете, каково здесь ходить даже на мелко сидящих лодках?

Виталий уверенно лавирует между известными ему подводными опасностями. Далеко огибаем длинный мыс с валунной постепенно уходящей в воду грядой и входим в южную бухту острова Ряжков. На берегу, близко к подножью поросшей соснами и похожей на египетскую пирамиду горы стоят два домика кордона. На бревенчатых бонах, служащих причалом, отдыхают гаги. Два-три их выводка кормятся у кромки фукусов, которые уже покрывает прилив. Как стрекозы, зависают на одном месте изящные полярные крачки, потом они пикируют в воду и, если повезёт, взлетают с мелкой рыбёшкой в клюве. В бухте показалась круглая усатая и глазастая голова тюленя-лахтака.

Глушим мотор, выгружаем вещи, ставим лодку на отяжку, чтобы не осохла в отлив. Заносим поклажу в выделенную нам комнату, быстренько разбираем вещи на функциональные кучки – на этом мы будем спать, это мы будем есть, а этим мы будем работать, – и с нетерпением бросаемся на берег.

Уже полный прилив. Вода залила даже обычную на вид траву и подошла почти вплотную к берёзам. Стоим возле уреза и смотрим на море. Конечно, это настоящее море. Знакомый и всегда волнующий запах водорослей, истинно морские птицы – чистики, серебристые чайки. А приливы-отливы здесь около двух метров – это повыше, чем на Курилах.

Как бы далеко в буквальном и переносном смысле проникала наука в море, эта стихия всегда остаётся величественной, таинственной и романтической. Есть страстные почитатели горных вершин. Мой приятель, побывавший с выставкой в Токио, рассказал трогательную историю одной японской девушки, которая была настолько одержима мечтой побывать в нашей сибирской тундре, что специально для этого изучила русский язык, – и своего добилась. Не будем спорить, что лучше – море, горы или тундра. Признаем, что в силу каких-то причин – может быть, из-за труднодоступности пространства и глубин, может быть, как следствие долгой эволюции человека вдали от морских берегов, а не исключено, что и вовсе наоборот, потому что весь животный мир зародился в солёных водах, моря для всех нас глубоко экзотичны и полны неизъяснимого очарования. И эти чувства нисколько не снижает то, что ты связан с морем своей работой.

Стоим молча у самого уреза воды. Каждый думает по-своему, но об одном и том же – о море. А оно такое тихое и ласковое. Зеркало воды так сочно отражает берега и небо. И острова. Их много и они такие разные, и так не похожи на суровые Курилы.

Виталий явно гордится произведённым на нас впечатлением “своего” моря. “А теперь”, – тихо говорит он, – закройте глаза. Готовы? И не открывайте, пока не скажу. А теперь кру-у-гом! И десять шагов вперёд. Только поосторожнее – вы не на асфальте. Так. Теперь, внимание... Глаза открой!”

Какое волшебное перемещение! Только что нами безраздельно владело море. А сейчас мы в самом настоящем лесу. Вокруг берёзы, чуть поодаль, где повыше, стоят могучие сосны. Ели с шатрами сучьев, опущенными до самой земли. Под нашими ногами густой черничник с кустиками пряного багульника. У сосен подушечки брусничника с куртинками хрустящего оленьего мха. Валуны обросли разноцветными корковыми лишайниками, с сучьев свисают пучки бородача. Звонко пропел зяблик. Где-то далеко куковала кукушка. Из-под берёзы с сердитым треском сорвался дрозд. В стороне упорно вела свою партию пеночка-теньковка. И никаких признаков моря! Разве только за спиной где-то далеко кричала чайка. Лес совершенно такой-же как у нас под Ленинградом – спокойный, родной и привычный.

Вот именно это сочетание романтического и будничного, загадочного и привычного, экзотического и уютного и есть удивительная особенность Белого моря. Ни одно море так не дружно с землёй, как Белое. Учитель многих поколений морских биологов академик Лев Александрович Зенкевич говорил: “Во всех морях очень много воды и мало берегов, а в Белом море наоборот: сравнительно мало воды и много-много берегов”.

Особенно это характерно для вершины Кандалакшского залива и его Северного архипелага, куда входит остров Ряхков. Этот остров, который можно обойти пешком за 3–4 часа, сыграл исключительную роль в развитии морских наук и в освоении принципов полевой работы многими поколениями морских биологов.

Весной 2005 года отмечала свое 40-летие лаборатория морского бентоса Санкт-Петербургского дома творчества юных (бывший Ленинградский дворец пионеров), организованная ярчайшим педагогом Евгением Александровичем Нинбургом. Каждое лето и очень часто зимой лаборатория выезжает на полевые работы на Белое море. В каких только районах моря ни работали ребята, но своей научной роди-

ной все считают Ряжков. Мы прикинули – через Ряжков прошло не меньше 600–700 только питерских школьников. А ведь кроме того каждый год Кандалакшский биосферный заповедник принимает на своём Ряжкове классы школьников и группы студентов со всей страны. Помогая заповеднику, они проходят школу простого полевого быта, взаимопомощи, приобретают навыки практической работы.

В центре напряженной летней ряжковской жизни вот уже полвека находится Виталий Витальевич Бианки. Предельно внутренне собранный человек, он каким-то образом умудряется организовать островную жизнь так, что она не вредит его напряженной работе орнитолога и даже служит интересам заповедника. И важнейшему делу подготовки кадров – почти вся молодёжь видит в Виталии учителя и по жизни, и по делу. А таких за эти 50 лет наберётся самое малое тысячи полторы человек. Это примерно равно всем курсам биофака крупного университета. А в Минвузе, или как его теперь там, об этом, наоборот, и не знают. У них свои заботы.

Животные на Картеше

В своей книжке “Кольцо царя Соломона” нобелевский лауреат Конрад Лоренц пишет, что в Карелии, где он был военнопленным, он наблюдал самые трогательные отношения между собаками и детьми. Посмотрел бы он на картешан, и не только детей, но и взрослых с их собаками!

Большая часть собак приезжала только на тёплый сезон вместе с хозяевами-научниками. Породы были самые разные. Вот показательная картина. На отдельно стоящей сосне сидит белка. Её яростно облаивает лайка Тайга. Вокруг широкими кругами, наклонившись, как мотоциклист на повороте, носится борзая Леда. А у самого ствола яростно роет землю между корнями, изредка поглядывая на вершину, фокстерьер Ита. Вот как развёл всех их по породам искусственный отбор!

Постоянно жили на станции лайкоиды – самостоятельные существа с закрученным кренделем хвостом и стоячими ушами. Только лайкоиды, подобно дикому зверю, могут самостоятельно прокормиться в лесу без человека. Завхоз Николай Егорович Кемов рассказывал, что в его карельской деревне около станции Боярская собак должны были держать на привязи от начала гнездования тетеревиных до тех пор, пока их подросшая молодёжь прочно не станет на крыло. С нарушителем, владельцем непривязанной собаки, переставали здороваться – это было строгое наказание общины. Община же устанавливала каждой семье нормы отстрела на токах тетеревов и глухарей, которые строго соблюдались.

Всеобщая любимица, полная достоинства и охотничьего азарта лаечка Тайга пользовалась уважением у всего собачьего племени. Хозяев у неё постоянных не было. Временным хозяином был тот, кто брал её на охоту. Проживала она около столовой. И не только потому, что там её подкармливали. А потому, что здесь она была в центре всех станционных событий – столовая тогда действовала как уютная компания. Когда она стала быстро дряхлеть – короток собачий век – она почти всё время лежала на пологом склоне около столовского крыльца. Начинаясь осень, сотрудники стали разъезжаться по зимним квартирам. Скоро мы остались вдвоём с Клаусом Суннари.

Как-то днём мы заметили, что Тайга, шаркая лапами, медленно стала обходить весь Картеш. Я забежал в свой дом на краю посёлка, открыл дверь и стал ждать. Появилась Тайга, обошла кухню и комнату, задержалась около деревянного диванчика, под которым раньше было место её подруги и соперницы фокстерьера Иты, и вышла, не оглядываясь, слегка проведя боком по моей ноге. И пошла навещать остальные близкие ей места. После полудня мы с Клаусом нашли её мёртвой на своём месте у безлюдной теперь столовой. Похоронили мы её в глубине березняка на берегу бухты Сельдяной, поставив сверху самый большой валун, который мы смогли подкатить. Лет через двадцать я нашел этот валун.

Как-то осенью, когда я уезжал на обработку набранных материалов в Ленинград, на Картеше с его зимними обитателями оставалось нелепое тускло-желтоватое существо по кличке Бич, дитя неизвестно каких родителей, с заплетаящимися ногами с широкими лапами, висячими ушами и странным способом приветствовать – он начинал размахивать хвостом, размахи становились все шире, вовлекали в себя все туловище, и пёс, не умея остановить эти махи, смотрел беспомощно и виновато.

А весной, приехав на Картеш до вскрытия льда, я не заметил отсутствия этого охламона – так назывались у нас собаки-подростки. И вдруг телефонный звонок (мы уже провели линию до Пулоньги). Звонил председатель колхоза с Сон-Острова Воробьёв.

– Тут один пёс поднял в одиночку медведя, подогнал его к нашей деревне, где мы его и положили. А сейчас собака стоит у медведя, рычит и никого к зверю не подпускает. Кажется, похожего на него пса я видел у вас на Картеше. Скажи, как его зовут. Может быть, удастся его успокоить.

Без всякой уверенности я предположил, что это действительно наш Бич. Другие собаки, кроме миниатюрной Тайги, в этот год на Картеше не зимовали.

И вот к нам на Картеш привозят героя, ставшего за зиму огненно рыжим крупным красавцем с нормальными для лайкоида ушами и хвостом и широченной грудью. Вскоре Бича забрал к себе житель Керети Володя Панарин, кладёзь охотничьих знаний, добычливый охотник и браконьер. Говоря о браконьерстве, я Володю не выдаю, – он сам через “Комсомольскую правду” на всю страну заявил, что как коренной житель сёмужей Керети и её окрестностей, он браконьерил, браконьерит и будет браконьерить. Только для себя и самых близких.

С Бичём Володя добывал лисиц, куниц, глухарей, – но обращался с собакой жестоко. Держал на железной цепи и часто даже побивал. Иногда Бичу удавалось сбежать, и он отправлялся на Картеш. Это вплавь два раза километра по два, с отдыхом на острове Кереть. В тихую погоду его можно было увидеть издали по треугольному следу воды. Усталый, он отряхивался на берегу и неспеша поднимался к моему домику. Входил в комнату и ложился отдыхать на старый кожух, лежанку фокстрьера Иты. Ита, которая обычно в дом не пускала никаких собак, залегала рядом на голый пол и с умилением смотрела на своего друга. Отдохнув, Бич обходил посёлок, приветствуя всех земляков, людей и собак. Он терпеть не мог несвободы. Как-то я запер его в своем кабинете. Бич изодрал обитую дерматином дверь и, в конце концов, вышиб её. А спать зимой любил на снегу.

Однажды от дальнего берега острова Кереть отделилась тёмная точка и стала двигаться в нашу сторону. Смотрю в бинокль и ничего не могу понять. Явно седок в санях, но то ли лошадь какая-то карликовая, то ли седок – огромный великан. Они всё ближе, ближе, и вдруг всё стало ясно. Это едет наш любимец рыбак дед Карп в самодельных санках, в которые запряжён его пёс Моряк.

Дед готовил Моряка с ранних щенячьих месяцев ещё летом. Сделал шлейку и разрешал ему бегать и играть, только волоча сзади деревянные колобашки, величина которых постепенно увеличивалась. Получился пёс с широченной грудью и мощными лапами. Породы он был явно никакой, во всяком случае, ни капельки не похожий на ездовых лаек, как их изображают. К слову сказать, ездовые лайки тянут свою упряжку коллективно, стаей. Тёмный и короткошерстный, как простая такса, с висячими ушами и выделяющимися жёлтыми бровями, Моряк обладал великой силой. От бухты Сельдяной до самого Картеша он перевозил за раз санки с пятью мешками картошки или 200-килограммовой бочкой горючего.

Если по едва уловимым признакам Моряк соображал, что ему предстоит работать в упряжке, он тихо и надолго исчезал. Дед рассказывал, что самое трудное в его работе с тягловым псом – застать его врасплох, загоняя в угол с упряжью за спиной. Естественно, Моряка все любили, гордились им и оказывали всяческие знаки внимания.

Собаčky поколения меняются куда быстрее человеческих. И посетив недавно Картеш, пообщавшись с коллегами, я уже не застал ни одной собаки своей поры. Были новые собаčky личности, которые, как и их предшественники, так украшали быт биологической станции.

Обитали на биостанции время от времени и дикие животные. Общение с ними доставляло много радости. Но общий урок был печален – приручая дикое животное, мы делаем его беззащитным перед невзгодами, создаваемыми людьми и отсутствующими в природе.

Как-то собаки придушили обитавшую в ряжевой основе хозяйственного причала американскую норку. Наверное, она была беглянкой с Лоужской зверофермы. Пятерых её симпатичных малышей величиной с ласку любители зверья, в том числе и опытные собачники, разобрали по комнатам. И в течение двух дней все норчата погибли от одной и той же причины, – они стали грызть виниловую электропроводку и были убиты током. Что-то в виниловых проводах было такое, что неудержимо влекло зверьков поточить о них зубки.

На озере Кривом у нашего лодочного причала появились маленькие утята, их было семь, очевидно, недавно осиротевших. Конечно, стали их подкармливать отходами столовой и скоро совсем приручили. Когда они выросли и стало ясно, что это шилохвости, они по-прежнему мчались к подходящим к озеру с миской сотрудникам. Вот так же полетели они к охотникам, вышедшим к озеру на другом его конце в день открытия охоты...

Трижды я держал ручных воронов. Два раза на Картеше. Самое трудное в этом деле – подобрать самого раннего слётка, а лучше взять из гнезда птенца, почти готового его покинуть. Первые сутки воронёнка держишь на короткой, около метра, привязи и кормишь насильно, раскрывая двумя руками огромный клюв и засовывая в глотку крупные куски рыбы. К концу второго дня воронёнок уже сам, увидев тебя, раскрывает клюв. А на третий-четвёртый день можно снимать веревку, – ты для этой птицы стал самым главным в её жизни существом. Ответственность огромная, обычно в первые дни не осознаваемая.

С этого дня ворон не признаёт своих родителей, сестры и братья, подлетавшие иногда к нему, для него чужие, он теперь привязан только к своему хозяину-человеку, совсем как собака. Моя картешанская Клара (так я называл своих птиц, не зная их пола), ночевала на насесте под крышей открытого крыльца. Спать ложилась рано – с заходом солнца. Спала крепко, когда я её, спящую, поглаживал, несердито ворчала. Проснувшись, облетала дом и заглядывала в окно. Если видела, что я встаю, летела на крыльцо и ждала меня, сидя на перилах. Тёрлась головой о руки. Очень любила, когда её почёсывали под клювом.

Обожала шкодить, тонко зная, что меня волнует больше всего. Когда прорывалась в комнату, что ей было запрещено, то первым делом бросалась к библиографическим карточкам, стоящим строго по алфавиту авторов, и торопливо выдёргивала их и разбрасывала вокруг. Остановить в это время хулиганку можно было только одним способом – веником.

Лето 1972 года было особенно жарким и засушливым, опасность пожаров для деревянного Картеша была очень велика. Для курильщиков были отведены особые места. Так эта злыдня Клара внезапно выхватывала у кого-нибудь горящую сигарету и, зажав её в клюве, торжествуя взлетала и кружилась над встревоженными людьми. К счастью, она сбрасывала окурок неподалёку, его находили и гасили.

Любимым её развлечением было развязывать узлы. Постоянно обрушивались крепления палаток и верёвок для сушки белья. Пока с кем-нибудь беседеешь, задержав его на мостках, подруга успевала, орудуя своим огромным клювом, развязать шнурки на обоих ботинках. Этой своей привычкой она доводила до слёз пятилетнюю дочку капитана Снежану. В конце концов девочке пришлось выходить из дома с веником подмышкой.

Иногда мы – ворон Клара, спаниель Динка и я – отправлялись на прогулку по просеке вдоль линии электропередачи. Клара, спикировав, выхватывала из-под носа Динки сучёк или еловую шишку и сбрасывала её метров за 10–15, после чего они соревновались – кто быстрее схватит игрушку. Лай собаки, звон пера быстро летящей птицы. Нагулявшись, мы приваливались к нагретому солнышком валуну. Незабываемые минуты!

По присутствию Клары сотрудники всегда могли знать о моём местонахождении. Я в лаборатории – Клара на крыльце; я на корабле – ворон на рубке или рее. Клара, выросшая в замкнутом коллективе, считала своими друзьями всех людей. К этому добавлялась природная любознательность врановых, – она обязательно подлеталазнакомиться к новичкам. Это её и погубило. В проливе на якорь стал военный корабль. Птица полетелазнакомиться и вскоре вернулась с выбитым глазом. Кто-то из морячков показал удаль. Менталитет такой, как теперь говорят.

Одноглазый ворон стал ещё более привязанным и ласковым. И с собакой любил играть в шишки по-прежнему – вот только голову в полёте держал набок, чтобы видеть здоровым глазом.

А осенью в проливе опять стали корабли. И Клара опять полетела к ним. И больше не вернулась. Менталитет он ведь распространён и прочен.

Необычные встречи

Дятел-музыкант

Со стороны мыса Картеш донеслась громкая трель, как будто кто-то ударил в костяной барабан. Звонкая сухая очередь далеко понеслась по утреннему морозному воздуху. Всё ясно – запел свою весеннюю песню дятел. Так все наши дятлы поют: найдут сухой звонкий сук, стукнут по нему головой что есть силы – сук и ответит дробью как барабан, когда по нему ударят палочкой, которую зажали некрепко в руках.

Но что это? Трель повторилась, но тон её на этот раз выше. Через несколько секунд прозвучала новая песня ещё в более высоком тоне, следующая трель ещё более высокая. За ней ещё одна, на этот раз чуть ниже тоном. Что за чудеса?

Иду на звук. Лезу в гору. Странная песня дятла с чередующимися тонами слышится всё громче. Присматриваюсь к сухим сучьям сосен – птицы не видно. А она должна быть здесь, рядом. Так громко уже звучат трели.

И вдруг увидел! И загадка трелей разных тонов раскрылась. Дятел-желна сидел на геодезической вышке и барабанил в сухую доску. Такие вышки ставят на самых высоких и обычно самых красивых местах, чтобы потом с их помощью привязываться к местности и составлять подробные карты, так нужные и геологам, и строителям, и морякам. Крышу вышки обычно делают пирамидкой и с большим зазором покрывают поперечными досками. В нижней части крыши доска самая широкая, выше идёт доска поуже, потом ещё уже, а самая последняя дощечка совсем коротышка.

Дятел увидел меня, перепорхнул за самую широкую доску и затаился, – видна была только чёрная длинноносая голова с красной шапочкой. Я присел за валун и тоже замер.

Через некоторое время дятел тарарахнул что есть сил по доске. Доска завибрировала, раздалась трель низкого тона. Дятел перепрыгнул к другой доске, что покороче, и дал новую дробь. Она была тоном выше. Самая высокая трель получилась, когда дятел пробарабанил по самой коротенькой верхней дощечке.

Всё было как при игре на ксилофоне или детском металлофоне: чем короче пластинка, тем выше звук, а чем длиннее – тем ниже. В этом наш дятел прекрасно разобрался, и игра эта ему явно нравилась.

Любители красоты

Многие считают, что только человек может любоваться красивым, а зверям и птицам это недоступно. Я расскажу, что довелось мне видеть на берегу озера Клещиха, а вы уж сами решайте, справедливо ли это мнение.

Маленькое озеро Клещиха отделено от моря болотистым поросшим густым ивняком перешейком. На других крутых берегах растёт густой еловый лес с богатейшим черничником – отличное место для лесных “петушков” – рябчиков.

На Клещихе люди бываю очень редко, может быть, поэтому здесь иногда останавливаются на отдых и кормёжку лебеди. Вот и в тот раз, когда я, проезжая на моторке по нашему морскому заливу, увидел, как по направлению к Клещихе, снижаясь, пролетело пять лебедей, решил подобраться к ним поближе и полюбоваться ими. Я уже представлял, как выглядят эти белоснежные красавцы на всегда тёмной воде лесного озера.

Чтобы не спугнуть птиц шумом мотора, я пристал не к перешейку, а подальше, чтобы выйти к озеру пешком, со стороны старого ельника.

Шёл я медленно, осторожно. Вот уже за ветвями внизу поблёскивает вода. Ещё немного и будут видны лебеди.

Вдруг из под самых ног, так, что я шарахнулся в сторону, с треском сорвалась птица. Пока я сообщил, что это был рябчик, взлетел и так же скрылся на каком-то ближнем дереве второй лесной петушок. Потом ещё один, ещё и ещё – целый выводок. И все они, отлетев, судя по шуму крыльев, совсем недалеко, оказывались невидимыми. Такая уж особенность рябчиков. Почувствовав опасность, они ошарашивают человека, собаку или лису внезапным шумом крыльев. Пользуясь замешательством врага, они взлетают на дерево и затаиваются. Выдать тогда их может только движение.

Изо всех сил старался я увидеть хоть одного рябчика, но то, что я иногда принимал за птицу, оказывалось сухим сучком. Можно было не сомневаться, что некоторые “сучки” на самом деле были рябчиками. Только вот попробуй угадай его в сотнях настоящих сучьев глухого ельника.

Решил продолжать прерванный путь к озеру. Но лебеди уже почувствовали что-то необычное. Со стороны озера послышался шум – это лебеди разгонялись для взлёта по воде. К счастью, ветер был от меня к озеру. А так как все крупные водоплавающие птицы взлетают против ветра, лебеди должны были пролететь близко над тем местом, где стоял я с затаившимися рябчиками. Вот уже между верхушками елей показался первый лебедь. За ним остальные.

Поглощённый зрелищем, не сразу услышал тихий писк-свист. Смотрю и глазам своим не верю. На кончике еловой лапы весь на виду, трепеща крылышками и задрав хохластую головёнку вверх, сидел рябчик. Вот и второй с таким же писком, забыв про меня, бежит по ветке другого дерева. Туда, откуда лебеди виднее. Оглядываюсь – весь выводок на виду. И все на меня ноль внимания. Все в возбуждении, переговариваясь друг с другом, позабыв про меня, смотрели на лебедей, делающих круг над лесом.

Иногда, когда встречаешь что-нибудь редкое и красивое, часто сожалеешь, что никого нет рядом. На этот раз такого чувства одиночества не было.

“Топляк”

Моторка на самом малом ходу проходила опасным Красным проливом. Сквозь небольшой слой воды тускло просвечивало желтоватое песчаное дно. Того и гляди чиркнешь днищем по грунту или, ещё хуже, намотаешь на винт скользкие шнуры хорды – бурой водоросли, заросли которой бурно развиваются к осени. Приходится всё время лавировать.

Отлив обнажил гряды острых камней. Ещё не высохшие на солнце, они торчали здесь и там, как зубы в пасти хищника. В прилив проходить здесь ещё опаснее – прикрытые водой, эти камни всегда готовы пробить днище любому судёнышку.

Вот последний поворот. Вода потемнела, – лодка вышла на глубокие места. Во всю силу заработал мотор, берега Красного мыса стали быстро удаляться. Остались позади стайки береговых уток и куликов. Чаще стали попадаться птицы открытого моря – чистики и гагарки.

Лодка быстро скользила по совершенно спокойной глади Белого моря. Неожиданно я увидел небольшой торчащий из воды предмет. Резко свернул в сторону. Топляк в море не менее страшен для моторки, чем заросли водорослей или подводные камни. Под водой стоит торчком разбухшее бревно, выставившее на поверхность маленькую незаметную часть. Нарвёшься – сорвёшь винт или пробьёшь дыру.

Захотелось рассмотреть топляк поближе. На малом ходу обхожу вокруг. Какой-то он странный, этот топляк. Не срезанный, как обычное бревно, а заострённый на конце. Будто маленькая пирамидка выглядывает из воды.

Заглушил мотор, подъехал совсем близко, пытаюсь дотянуться до топляка веслом. Дотянулся.

Внезапный сильнейший всплеск окатил всего меня холодной водой. Треугольная пирамидка исчезла, зато показалось совсем рядом... пятнистое тюленьё брюхо. С шумом в панике били по воде ласты. Наконец тюлень перевернулся брюхом вниз, сделал шумный вдох и ушёл под воду.

Я постепенно пришёл в себя. И всё стало понятным. Нерпа эта по какой-то причине не стала отдыхать, как порядочные тюлени, на берегу и заснула прямо в открытом море. И заснула крепко. А чтобы не задохнуться, она спала на спине, выставив наружу пирамидку своей морды. Эту морду я и принял за топляк. Так я узнал ещё одну повадку нерпы.

В поезде

Из-под полы

– Эй! – кричит мне мелкое конопатое существо женского пола лет четырёх-пяти. Она с родителями появилась в купе полчаса назад на какой-то небольшой карельской станции. Родители быстро распили поллитру и заснули внизу. А мы с ней бодрствуем на верхних полках.

– Эй! Тебе нравится мой свитер? А ты знаешь, где их достают?

– Нравится. А где достают, не знаю.

– Эх, ты что, тётю Тоню, что ль не знаешь?

– Не знаю.

– Как же не знаешь, она ведь в Сегеже живет. И знаешь, как у неё свитера достают?

И дальше звонким, звонким шёпотом:

– Из-под полы!

Вот такие были времена.

Коля Никифоров

Полупустая электричка отходит от Чупы на север. Усаживаюсь. Напротив меня сидит немолодой человек с нездоровым цветом лица, опирающийся на поставленную между ног палку. Что-то смутно знакомое в нём. И он тоже заинтересовался:

– Вы Хлебович?

Смотрю на него, пытаюсь вспомнить:

– Коля? Никифоров? Я вот в твою Чёрную Речку еду, хочу Бурковского навестить. А ты не туда?

– Нет, я в нашей деревне редко бываю. Квартира у меня теперь в Полярном круге, жена. Вот, домой из больницы еду – ногами мучаюсь.

И я вспомнил, как мы с ним расстались около 30 лет назад. Тогда трое молодых парней-чернореченцев устроились на лето на Картеш, на строительные работы. После полочки они загудели. Мощно и надолго. А тут самый разгар работ со студентами и приезжими из столиц. И путь в лаборатории, библиотеку и столовую проходит мимо рабочего общежития, которое дней пять содрогается от криков и звона. Как начальник экспедиции предупреждаю. Без толку.

Захожу к ним. Беру двумя руками ящик с бутылками. Выношу на берег, сажусь и начинаю одну за другой неспеша метать бутылки с обрыва на камни. Бутылки, поблёскивая, описывали дугу и со звоном разбивались.

За спиной тоже зазвенело стекло. Скосил глаза и вижу, как в окне с выбитым стеклом появляется ствол малокалиберки. Вжимаю голову в плечи, запускаю ещё одну бутылку. Противно просвистела пуля. Колю кто-то подтолкнул – вот и промахнулся. Потом ребята присмирели, сдали винтовку. И когда утром проснулись трезвыми, покинули биостанцию. И вот теперь свиделись.

– Коль, а как остальные ребята?

– Сметанин утонул, а Вовку Спешилова убили и сожгли в котельной.

Прощались мы крепким рукопожатием, пожелав друг другу здоровья.

А когда я добрался до Чёрной Речки, через два часа пути глухой лесной дорогой, деревня гуляла. Никогда за свои 60 лет нигде ни дня не поработавший брат Коли пропивал снятые где-то алюминиевые провода.

Подо Ржевом

Еду в Москву. В купе со мной аккуратные чистенькие старичок и старушка. Два года копили на поездку ко внукам на Урал, где дочка замужем. Дед к пенсии подрабатывал – “пилил и колол дрова училкам” в своём посёлке. Сейчас они немного торжественные, гордые возможностью достойно показаться своим роднёньким.

Скоро должен быть Ржев. За окном промелькнула небольшая станция. Машинально произношу её название. И замечаю, как что-то в дедушке изменилось, лицо его напряглось.

– Господи, это же здесь было! И я об этом столько лет не вспоминал. Тут у нас бои были тяжелейшие. Сколько мы ребят потеряли! И траншеи переходили из рук в руки. Раз отбили мы старое место. Смотрим, и видим – лежат наши ребята. Их узнать можно даже через много месяцев. Мухи-черви съели всё мягкое, окуклились, а потом разлетелись. А коконы их жёлтые кожистые остались и тела солдатские обозначают, и лица. А сквозь тела пучки пырея так и прут, так и прут...

Старый солдат говорил тихо-тихо. Сам с собой.

Нам, лопарям

– Я до армии из города, можно сказать, и не выезжал. Один раз был в пионерлагере на Сиверской. Так ведь нас никуда от корпуса не отпускали, даже купаться на речку строем ходили.

А служил я во флоте, но был сухопутным. Из Североморска нас как-то повезли с концертом в Ловозеро, лопарскую столицу. После концерта – танцы. Там я и познакомился с будущей женой. И после демобилизации к ней поехал. И там остался.

Сейчас вот к маме еду, на Васильевский, на короткую побывку. А потом назад. У нас скоро сенокос. Люблю я это дело!

– Погоди, какой сенокос? Ведь комары – это такая жуть!

– А нам, лопарям, – сказал мой попутчик, василеостровский земляк, – никакой комар не страшен.

Картешу 50 лет

Строго говоря, ББС Зоологического института (а сначала – карельского филиала АН) была официально создана в 1949 году. Восемь лет она имела замечательный корабль “Профессор Месяцев” и три комнаты на улице Куйбышева в Петрозаводске. Своего места на берегу Белого моря, где бы можно было постоянно наблюдать за живьём или проводить над ним долговременные эксперименты, у станции не было. Этот период существования морской биостанции без постоянного места на море (statio – место) – это как бы вынашивание эмбриона до его рождения. Но ведь мы исчисляем свои дни рождения не от зачатия, а от появления на свет! Поэтому истинным днём рождения считается, как об этом я уже писал, 19 августа 1957 года. Значит, в 2007 году Биостанции исполняется 50 лет.

Хорошо помню, как отмечалось её первое десятилетие. К этому времени сложился коллектив молодых и талантливых исследователей. К нам зачастую для своих или совместных с нами работ сотрудники разных институтов Академии наук и группы студентов из многих вузов со своими преподавателями. Мы уже разрешали заезд далеко не всем, а с выбором. Вышли тома трудов. На отчётной сессии в Зоологическом институте были сделаны яркие доклады. Настроение заслуженно приподнятое.

На обращённом к морю склоне крыши стоящего у берега лодочного сарая из белого пенопласта выложено “Картешу X лет”. Над входом в столовую появилась вывеска “Харчевня Адмирал Бенбоу”, а на торцах жилых домов и лабораторий были прибиты нарисованные Таней Лоскутовой в полный рост страшные пираты. Была организована выставка художественных работ сотрудников. Первую премию получила композиция “Одиночество” – в чистый лист писчей бумаги вбит большой гвоздь. Были устроены соревнования на воде – кто на своей моторке, не глуша мотора, дойдёт до финиша последним: значит, хорошо отрегулирован двигатель. Ну и, конечно, хорошее застолье с беломорской тресочкой и беломорской селёдкой. И доммысленное читателем – тоже было.

А вот еще картинка 20-летия. Мы уже все сидим за столами под навесом лодочного причала. Свой полигон покидает атомный подводный крейсер адмирала Березовского. На мостике адмирал и офицеры берут под козырёк. Трижды звучит сирена: “Счастливо оставаться!”. Самое в стране боевое судно приветствует биологов – исследователей живого.

Внимательно и ревниво слежу за тем, как живет ББС теперь. Вместе со страной она пережила тяжёлые времена. Резко изменилось финансирование науки, изменилась стоимость самого на стационаре необходимого – горючего, электроэнергии, а также приборов и оборудования. Упала реальная заработная плата. Нужно было крутиться, вертеться по новым, постоянно меняющимся правилам. Слава биостанции – выстояла. Конечно же, и при поддержке Зоологического института и властей Карелии. ББС по-прежнему можно считать лучшим морским биологическим стационаром страны.

Полувековой мониторинг природных условий на “декадной станции”, многие десятилетия изучения процессов в Кривом озере, глубокие исследования с выходом в производство мидий и сельди, циклы работ по ихтиологии и паразитологии, получение новых данных о донном населении всего моря, – далеко не полный перечень делающегося сейчас. Для меня, когда-то давно зажжённого костерка интереса к фактору солёности как главнейшему в экологии и эволюции, очень важно, что работы такого рода продолжают. Каждый год сотрудники ББС отчитываются на специальной сессии Учёного совета Зоологического института, и успехи станции и её перспективы несомненны.

Но есть одно замечание, которое я считаю необходимым сделать. Оно должно быть значимо не только для ББС. Представьте какую-нибудь любимую вами картину. Представьте также, что у вашей картины живая и постоянно растущая рама, и что вы этому её росту ничуть не препятствуете. Рано или поздно рама полностью вытеснит саму картину. Нечто вроде этого происходит в последние годы на

Картеше. Когда-то с каждого крыльца открывались изумительные виды на сам мыс, на остров Феттах, на залив с островом Кереть, на далекий Кругляш. Ложно понимаемые отношения с “зелёным другом” закрыли эти картины. Перегибы экологического образования. А ведь настоящий лесник не столько подсаживает, сколько прореживает.

Пусть процветает наука на ББС в обстановке страстного поиска, материального благополучия и разумно сохраняемой природы!

Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья – общественная организация, созданная в 2003 г. На Белом море еще можно найти остатки старых традиций общинного управления природными ресурсами и, потому, возможно возрождение их на новом уровне как элемента гражданского общества. На достижение этой цели работает проект "Северо-Карельское побережье", организованный при поддержке Всемирного фонда дикой природы, Центра охраны дикой природы и Фонда Lighthouse и проводимый республиканской общественной организацией Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья. Целью проекта является полноценное участие местного населения и в управлении ресурсами и сохранении природного разнообразия, направленное на обеспечение устойчивого развития региона и роста благосостояния жителей побережья.

Адрес: КРОО "Бассейновый Совет Северо-Карельского побережья" 186670, Республика Карелия, п. Чупа, ул. Коргуева, д. 7а

Телефон (81439) 4 11 44

e-mail: coast_c@onego.ru

интернет: www.whitesea.onego.ru

Благотворительный фонд "Центр охраны дикой природы" (ЦОДП) – российская негосударственная природоохранная организация, основанная в 1992 г. группой представителей Движения дружин по охране природы и учрежденная Социально-экологическим союзом. ЦОДП участвует в решении ряда таких природоохранных проблем, как разработка и осуществление природоохранных проектов в Северной Евразии; поддержку заповедникам, национальным паркам и другим охраняемым природным территориям (ОПТ); разработка механизмов благотворительного финансирования охраны живой природы; Центр способствует координации действий природоохранных организаций в России и за рубежом.

Адрес: Россия, 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 41, офис 2.

Тел. +7 095 124 50 22, **тел./Факс** +7 095 124 71 78, **e-mail:** biodivers@biodiversity.ru,

интернет: www.biodiversity.ru

Фонд Lighthouse (Lighthouse Foundation) был основан в 2000 г. как благотворительный фонд с постоянным представительством в г. Гамбурге (Германия). Основное его предназначение в содействии науке и исследованиям, педагогике и культуре, развитию международных принципов рационального взаимодействия с морской окружающей средой (моря и океаны). Своей основной целью Фонд видит жизнь человечества в гармонии с "голубой планетой". Своей миссией – содействие интегрированному устойчивому развитию прибрежных территорий, ответственному природопользованию и охране морской окружающей среды.

Адрес: Lighthouse Foundation, Palmalle 63, D - 22 767 Hamburg, Germany

Тел: + 49 (0)40 381 096 0, **факс:** + 49 (0)40 381 096 96, **e-mail:** info@lighthouse-foundation.org,

интернет: www.lighthouse-foundation.org

Всемирный фонд дикой природы (WWF) – одна из крупнейших независимых международных природоохранных организаций, объединяющая около 5 миллионов постоянных сторонников и работающая более чем в 100 странах.

Миссия WWF – остановить деградацию естественной среды планеты для достижения гармонии человека и природы.

Стратегическими направлениями деятельности WWF являются:

- сохранение биологического разнообразия планеты;
- обеспечение устойчивого использования возобновимых природных ресурсов;
- пропаганда действий по сокращению загрязнения окружающей среды и расточительного природопользования.

WWF for a living planet®

Всемирный фонд дикой природы (WWF)

109240, Москва, ул. Николоямская, 19, стр. 3

Тел.: +7 495 727 09 39

Факс: +7 495 727 09 38

E-mail: russia@wwf.ru

**www.
wwf
.ru**